

За здоровье русского народа!

...В мир пришел май. Незабываемый май 1945 года. Советские люди работали и любили: позади остались годы войны — годы великих жертв и потрясений, годы страданий и лишений. Фашизм разгромлен, в Берлине над знаменем рейхстага гордо алет знамя освобождения. Советские люди мечтали о будущем: впереди их ждали светлые годы мирного труда.

24 мая 1945 года в Кремле состоялся прием в честь командующих войсками Красной Армии. Под величественными сводами Кремлевского дворца собрались маршалы и генералы, академики и инженеры, хозяйственники и станководы, артисты и писатели. Лучшие люди советской страны приветствовали любимого и мудрого, простого и великого товарища Сталина, генерального вождем и организатором наших побед.

Товарищ Сталин произнес тогда слова, которые с волнением и благодарностью всегда будут помнить советские люди.

«Я хотел бы, — сказал товарищ Сталин, — поднять тост за здоровье нашего русского народа и, прежде всего, русского народа».

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».

Каждый, кто слушал, кто читал потом эту записку товарища Сталина в честь русского народа, невольно обращал свои мысленные взоры к истории, в глубь веков, к славному прошлому народа.

Русский народ славится своей беспредельной любовью к Родине-матери. В народных былинах, в «Слове о полку Игореве» воспеваются величественные подвиги русских людей, мужественно защищавших родину от врагов. Имена Александра Невского и Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Бутузова вдохновляли многие поколения русских людей на беззаветные подвиги во славу своей родины. Имена Разина и Пугачева, Радищева и Рылеева, Герцена и Чернышевского, Белинского и Добролюбова олицетворяют самоотверженную борьбу русских людей — идейную и с оружием в руках — за освобождение любимой отчизны от гнета и насилия.

В революционном воспитании русского народа, в воспитании его таким, каким он есть в наши дни — дни самоотверженной борьбы во имя коммунистического завтра, — неоценимую роль сыграла передовая русская литература.

Передовая русская общественная мысль XIX столетия, развивавшаяся в материалистическом направлении, готовила почву для восприятия русскими людьми великих идей коммунизма, идей Маркса и Энгельса. И не случайно именно Россия стала родиной ленинизма — генерального учения, изменившего и во много раз ускорившего весь ход истории. Не случайно именно наша страна дала человечеству гениев революции — Ленина и Сталина.

Русскому народу всегда были чужды великодержавные, шовинистические устремления. С благожелательным и любящим старшим братом передовые демократические силы русского народа защищали народы России от угнетения, помогали им развивать свою национальную культуру, бороться за свою независимость.

Эта благородная традиция сохранилась и укрепилась в наши дни. Русская литература является ведущей в богатой и многонациональной советской литературе. На творчестве М. Горького, В. Маяковского, А. Толстого, А. Серафимовича, М. Шолохова, А. Фадеева, А. Твардовского и других русских советских писателей и поэтов участвуют поэты и писатели наших союзных и автономных республик.

Русский народ по праву может гордиться великой исторической ролью своего рабочего класса. На всем протяжении своего существования партия Ленина — Сталина воспитывала в массах любовь к родной стране, к ее народу.

В 13-м томе Сочинений товарища П. В. Сталина впервые опубликованы выдержки из письма Демьяну Белому, где имеются следующие поразительные по силе и значению строки:

«Революционные рабочие всех стран, — писал товарищ Сталин, — единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, русскому рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран. Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России революционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых

и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтурных и Алексеевых. Все это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса».

...Творить чудеса! Разве не чудо из чудес, когда русские рабочие — голодные и холодные, измученные трехлетней войной, совершили натиском четырнадцати держав-интервентов и отстояли молодую Советскую Республику? Разве не чудо из чудес, когда русский рабочий вывел своего брата-крестьянина, темного и отсталого, на путь социализма? Разве не чудо из чудес, когда русские люди, сплотив вокруг себя все народы нашей страны, не только разбили наголову гитлеровских захватчиков, но и принесли освобождение от гитлеровского ига другим народам Европы. Разве не чудо из чудес, когда всего за пять лет советские люди, руководимые своим старшим братом — русским народом, закрепили кровавые раны войны с фашизмом и приступили к осуществлению гигантских планов преобразования природы, к строительству великих сооружений коммунизма.

Но есть еще одно, едва ли не самое главное «чудо из чудес», которое не измерить ни тысячами жертв, ни миллионами рублей, ни тоннами зерна, ни километрами электротранзионов. Речь идет о тех невидимых, но очень прочных нитях, которые, вопреки пограничным кордонам, вопреки войнам и кровопролитным сражениям, протянулись между Москвой и миллионами точек на земном шаре, между советскими людьми и трудящимися мира.

Величественные идеи ленинизма, как ни старались этому помешать буржуазные пингвины, завоевывают сознание сотен миллионов людей. Коммунистические партии во всех странах непрерывно растут, считывая в своих рядах уже около 25 миллионов человек. Весь богатый исторический опыт первого в мире социалистического государства становится достоянием масс. И трудящиеся массы всего мира жадно тянутся ко всему тому, что исходит от нашей великой страны. Они хорошо усвоили одну простую и непреложную истину:

Ленинизм — это борьба за радость в труде, за дружбу народов, за мир!

Вот русские саперы любовно возводят своими умелыми руками красивый мост через Шведен-канал в Вене — в той самой Вене, в которой наши воины самоотверженно сражались с фашистами. Саперы помогают венские металлисты. Мост получает символическое название: «Мост Мира». И старый австрийский рабочий гордится русским солдатом:

— Хорошую память вы оставляете по себе городу, нам, людям, у которых руки грубы от мотылей, этот мост будет говорить о дружбе, о той радости труда, которую мы узнали.

Вот американский певец Поль Робсон вдохновенно исполняет на русском языке советскую песню, мелодию которой и, по крайней мере, первые четыре слова знает теперь едва ли не каждый грамотный человек на земле:

— Широка страна моя родная!
Вот китайский школьник, едва овладев иероглифами, с любовью читает книжку о жизни вождя советского народа, вождя всех трудящихся — великого Сталина.

Каждый день со всех частей света иррадирует в Москву гости. Это благодарное пламя человечество совершает люди физического труда, деятели науки и искусства — люди разных национальностей, политических взглядов, религиозных убеждений.

Они — эти самоотверженные борцы за мир — едут сюда, в нашу столицу, потому что народы земного шара не хотят новой войны, потому что древняя русская Москва возмущается сегодня над землей, как неуязвимый маяк мира и свободы.

Проникновенные слова товарища Сталина о русском человеке, о русском народе вооружают каждого из нас — и прежде всего деятелей культуры — на борьбу против любых проявлений национального шовинизма по отношению к великому русскому народу и другим народам нашей страны.

Шесть лет назад произнес товарищ Сталин свою записку в честь великого русского народа. За эти годы на горизонте мира вновь ступили тучи. Поджигатели новой войны подняли голову и, бросая вызов миролюбивым народам, грозят атомным, водородным и прочим оружием.

Но не такие теперь времена, господа неонацисты! Народы Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Албании прочно вступили на путь строительства социализма. Великий народ Китая расправил свои плечи и создал могущественную и миролюбивую народную республику. На путь глубоких демократических преобразований становится немецкий народ. На примере героической Кореи, вставшей на путь строительства социализма, ясно видно, что никакие трудные времена никогда не в силах победить народ, как бы мал этот народ ни был.

Великий пример русского народа, бесстрашного в борьбе и неутомимого в труде, вызывает восхищение братских народов нашей страны и стран народной демократии, братских народов Китая и Кореи, трудящихся всего мира. Этот великий пример служит им надеждой и оплотом.

— За здоровье русского народа! — вслед за товарищем Сталиным провозглашают братские народы нашей страны и люди труда во всем мире свою здравницу в честь великого народа-победителя.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 61 (2779) Четверг, 24 мая 1951 г. Цена 40 коп.

Писатели и великие стройки

На днях состоялось собрание партийной организации московских писателей, посвященное участию литераторов в великих стройках коммунизма. Доклад на эту тему сделал заместитель генерального секретаря Союза советских писателей тов. А. Сурков.

— Великие стройки коммунизма должны явиться для нас обозначением нового, качественно более высокого этапа в развитии советской литературы, — сказал тов. Сурков.

Если оглянуться на прошлое и проследить живые процессы развития советской литературы, то станет ясным, что все основные периоды ее определяются решающими этапами в движении нашего общества к коммунизму.

Двадцатые годы прошли в советской литературе под знаком господства материала о героике гражданской войны. Вслед за этим встает новый круг вопросов, возникший в связи с тем, что страна вплотную приступила к выполнению великих задач строительства социализма.

С этой точки зрения интересно проследить за эволюцией темы судьбы интеллигенции в нашей литературе.

Вспомним книги того времени: «Горда и годы» и «Братья» К. Федина, «Севастополь» А. Малышкина, «Капитальный ремонт» Л. Соболева и ряд других книг. Все они решали вопрос отношения интеллигенции к революции и отношения рабочего класса к интеллигенции.

Но когда в нашей стране в годы первой и второй пятилеток произошел стремительный рост новой интеллигенции и глубокая, коренная перестройка сознания старой интеллигенции, эта тема «тяжелый» интеллигенции с революцией уходит из литературы, уступая место новым темам.

Годы первых сталинских пятилеток ознаменовались такими великими событиями, как индустриализация страны и коренная перестройка всей жизни нашего крестьянства в результате сплошной коллективизации и проведенной на ее основе ликвидации кулачества как класса. Литература того времени отмечена серьезной и очень для нее значительной ступенью перехода в новое, высшее качество. Если в двадцатых годах тема произведения, как «Цемент» Ф. Гладкова, «Доменная печь» Н. Яшкова и некоторые другие, ставили тему жизни рабочего класса в его производственном бытии, насытившись единичными, то в годы первых сталинских пятилеток произошел крутой поворот к этим темам. Такие произведения, как «Гидроцентр» М. Шагинян, «Энергия» Ф. Гладкова, «Время, вперед!» В. Катаева, «Не переводись дышать» и «День второй» И. Эренбурга, «Поэма о топоре» и «Мой друг» Н. Погодина, а также романы о деревне — «Поднятая целина» М. Шолохова и «Бруски» П. Панферова, являлись закономерным выражением того, что вместе с переходом всего нашего советского общества на новую ступень вступила в новый этап своего развития и наша литература.

Нельзя пересчитать влияние этого поворота и на судьбы отдельных писателей. Возьмем, например, М. Шолохова. Значительной вехой в развитии его творческой судьбы была «Поднятая целина», работа над которой чрезвычайно благотворно сказалась на траектории событий в заключительных частях «Тихого Дона».

Во многих писательских судьбах находим мы столь же глубокие следы, оставленные началом тридцатых годов. Великие социалистические преобразования нашей страны привели к созданию ряда книг нового качества. Результатом этих исторических сдвигов было решение ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года о ликвидации РАПП, возможность консолидации нашей литературы под одной крышей Союза советских писателей.

Выполнение нашей литературой своего долга перед историей, перед народом в напряженные дни Великой Отечественной войны также в немалой мере подготовлено тем огромным жизненным социальным опытом, который приобрела советская литература в период строительства социализма в нашей стране.

Обо всем этом нельзя не вспомнить теперь, когда перед советскими писателями встала новая громадная задача, рожденная нашей жизнью, — задача участия в великих стройках коммунизма.

Особенно необходимо помнить о тех указаниях, которые неоднократно делал Центральный Комитет партии — в постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград» и в других документах, обращенных к нашей литературе и искусству. Партия постоянно и настойчиво обращала наше внимание на то, что работники литературы и искусства должны глубоко знать жизнь, изучать дело, за осуществление которого и провали. Хотя за пять лет, минувших со времени постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», наша литература сделала очень многое, мы не можем еще утверждать, что указания партии выполнены полностью. Это относится в равной мере ко всем видам искусства, подтверждаем партийной критике за эти годы. Сегодня, определяя свою роль в деле осуществления великих строек коммунизма, мы, писатели, особенно должны об этом помнить.

Мне кажется, что мы стоим сейчас на пороге нового периода в развитии нашей литературы: после полосу первоначальных накоплений в разработке созидательной тематики последующих лет мы вплотную подошли к разрешению на более глубокой и широкой основе новых за-

дач, вытекающих из новой обстановки. В свете всего этого великие стройки коммунизма представляются мне ключом к пониманию объема и высоты тех задач, которые стоят сегодня перед советской литературой.

Сейчас все писатели стремятся в Сталинград, в Куйбышев, в Цимлянскую, в Каховку и на Тахиа-Таш. Стремление естественное. Но некоторые разочаровываются, потому что могучих плотин еще нет, по стени ходят геомолы, геодизельны превращают дно на местах будущих плотин. Идет основное строительное планошад.

Однако уже теперь нет в стране ни одного мало-мальски значительного предприятия, которое бы не работало на великие стройки коммунизма. Лесорубы в Вологодской области и где-нибудь на берегах Печоры еще в прошлый зимний сезон работали для великих строек коммунизма; плоты по Ветуге, по Волге, по Енисею плывут, как плоты великих строек коммунизма. Всесоюзная, всенародная кооперация созидательных усилий, обеспечивающих осуществление великих строек, не имеет примера даже в нашем плановом хозяйстве!

Именно это здесь, на собрании писателей, я хочу особо подчеркнуть. Глубина фронта великих строек коммунизма — всевозрастающая. Больше того: великие стройки коммунизма, точно так же, как и великие наши планы лесонасаждений, вызывают творческий отклик во всех странах народной демократии.

Без ощущения этого пространственного масштаба было бы неправильно подходить к разработке того комплекса тем, который теперь возникает перед нами, писателями.

И неправильно было бы забывать принципиальное историческое значение великих строек, как в кадре воле отражающее самую природу нашего общества, протестующую природе капитализма. Без понимания того, о чем, как всегда ясно и скажет, говорил товарищ Сталин, отвечая корреспонденту «Правды», — о том, какой смысл наших великих строек с международной точки зрения, с точки зрения разоблачения поджигателей войны, — без этого работа писателя на великих стройках, даже при самых лучших побуждениях, окажется не тем, чем ждут от нашей литературы.

Последний вопрос, который мне хочется поставить: кем нам быть на великих стройках? Быть ли нам «командированными товарищами» с портфелями и толстыми блокнотами, приезжающими искать героев, которые затем в беседах возвращают писателям и журналистам их же плоские слова, написанные в очерках? Многие очерки о великих стройках, появившиеся в газетах и журналах, унегают убойнейшим однообразием. Они — результат кавалерийских налетов, результат блокнотного соборования: поначалу с начальником стройки (потом ему будет некогда!), поначалу — с начальником участка, двадцать минут — с парторгом и по десяти минут с двумя-тремя рабочими.

Так работать советским писателям и журналистам нельзя! Мы должны быть не летописцами и следопытами, а участниками — общего рецепта не даю, да это и не нужно. Если бы мне, например, выпало светлое счастье поехать на стройку не на неделю и не на две, а надолго, чтобы перепистил свою судьбу с судьбами всех ее строителей, я бы сказал: пошлите меня на участок пропагандиста! Можно найти на стройке много места, где писатель окажется не союзником, не летописцем, а живым участником дела. И совсем хорошо будет, если писатель пойдет работать в мотостроительную стройку. Мы не должны забывать опыта первых пятилеток и в особенности опыта Великой Отечественной войны. Самую крепкую связь с жизнью дает именно работа в газете! Не машины — пусть самые совершенные! — определяют стиль великих строек, а люди. Вот с ними, с коллективным строителем данной стройки, и должен слиться воедино советский писатель.

Перед лицом величественного нового этапа нашего движения в коммунизм, — закончил свой доклад тов. Сурков, — для выполнения наших литературных задач нам надо быть людьми, соответствующими своими творческими и духовными качествами тому объекту, который нам предстоит запечатлеть в художественных образах!

Доклад тов. Суркова вызвал оживленные прения. Кроме писателей в прениях приняли участие также гости собрания — работники ряда организаций и научно-исследовательских учреждений, связанных в своей деятельности с великими стройками коммунизма.

Писатель А. Кожевніков в своем выступлении сказал:

— Много тысячелетий люди относились к земле, как иждивенцы: брали от нее больше, чем возвращали ей.

Впервые новое отношение к земле, как к матери-земле, как к своему дому, который надо обогащать, украшать, сделать колыбелью человеческой радости и счастья, родилось у нас. Оно пришло с Великой Октябрьской революцией.

Гениальный сталинский план преобразования природы — это всемирно-исторический переворот в отношении человека к планете. За грандиозными лесонасаждениями в степной полосе, за первыми великими стройками коммунизма последуют еще более грандиозные мероприятия и сооружения. Я не смеяюсь, что в самое

ближайшее время у нас начнется широкое использование ветра. Ведь динамическая сила ветра неизмеримо больше динамической силы всех наших рек! Скоро мы будем пользоваться по своему усмотрению тепловой энергией солнца, силой морских приливов и отливов. Трудно даже вообразить, какие могут произойти тогда перемены!

Всем существом своим наш писатель должен жить среди строек коммунизма; и среди тех, что на Волге и на Дону, и в любом пункте нашей Родины, и среди тех, которые только замышляются, проектируются, которые находятся сейчас лишь в воображении!

А. Кожевніков вносит предложение: создать при Союзе советских писателей консультационный кабинет, где писатель мог бы получать информацию, документацию, библиографию, литературу по вопросам, связанным с великими стройками.

Критик Е. Златова утверждала докладчица в том, что он не рассказал, какие практические мероприятия наметил Союз советских писателей, чтобы планомерно организовать работу писателей на великих стройках. Далее тов. Златова останавливается на ошибках, допущенных писателями и журналистами в описаниях строительства Главного Туркменского канала. Она критикует очерк В. Величко «Покорение Кара-Кумов», опубликованный в журнале «Знамя», за допущенные в нем отклонения от истины.

Е. Долматовский критикует за неточности и поверхностность очерк Ф. Панферова и Ю. Канусто, опубликованные в «Литературной газете».

М. Шагинян поделилась опытом своей работы по созданию «Гидроцентрали» и горячо присоединилась к призыву тов. Златова — быть на стройках не свидетелем, а практическими участниками их повседневной жизни.

— Товарищ Сталин писал о Волго-Донском канале еще во время обороны Парижа в 1918 году, — напоминает в своем выступлении Г. Финн. — Первоначальный проект Куйбышевской гидроэлектростанции был утвержден четырнадцать лет назад. Какими легковесными выглядают в свете этого планы некоторых наших литераторов, предполагающих постигнуть все многообразие, все величие и значение великих строек, поехав туда в случайную командировку и даже не зная толком, какую стройку предпочесть, — ничего у них с поэзией на ту или другую стройку не ассоциируется!

Познать великие стройки только эмпирически невозможно, как невозможно познать величие замечательного сооружения архитектуры, подойдя вплотную к его стенам. Надо иметь представление обо всем здании, обо всем архитектурном замысле. А это мы можем получить, только овладев марксистско-ленинской теорией, только неустанно повышая свой идейный уровень. Командировка писателя на стройку сама по себе еще не решает вопроса о создании полноценной книги!

Г. Финн на ряде примеров показывает, как одна проблема народного хозяйства тянет за собой десяток новых нерешенных проблем и как пренебрежение любой из них ведет к провалу всей цепи. В США, например, орошение не подкреплялось травопольными севооборотами. В результате плодородные земли превратились в пустыни. У нас же введение травопольных севооборотов — закон при проведении орошения.

Или взять лесные полосы. Чтобы им развиваться нормально, нужно, чтобы на них гнездились птицы, а птицы летят только туда, где родилась. Перед учеными встает проблема: как привлечь птиц к лесополосам? Лесам нужны муравьи. Встает проблема завола муравейников.

Нет ни одной профессии, ни одной специальности, ни одной отрасли науки, которые не должны были бы принять активного и непосредственного участия в великом деле преобразования природы. Мы должны это знать и уметь разбираться в том, как различные отрасли науки решают встающие перед ними проблемы, иначе мы будем писать тусклые произведения.

Тепло встретило собрание одного из создателей «шагающего экскаватора» лауреата Сталинской премии проф. Домбровский.

— Я не писатель, — говорит проф. Домбровский. — Хочу сказать, чего ждем от писателей мы, читатели. Очерки, статьи, рассказы, посвященные великим стройкам, — это хорошо. Но хочется, чтобы бы дали монументальные полотна, показали бы всю картину в целом. И это должны быть полотна о людях — творцах наших строек. Дело прежде всего в них — создателях гигантских сооружений.

Но писать о людях — это не значит забывать о технике, которой управляют люди, влюбленные в свое дело. Литературе не обязательно кончать технический институт. Я думаю, что достаточно желания да прочтения вполне доступных образованному человеку книг и журнальных статей, чтобы войти в курс того, какими техническими интересами живет сейчас рабочий стройки.

В прениях высказались также писатель Б. Галин, заместитель начальника Гидропроект-лауреат Сталинской премии Г. Руссо, декан гидроэнергетического факультета МЭИ Н. Золотарев, инженер-генерал — директор речного флота 3-го ранга М. Чернов.

В кратком заключительном слове А. Сурков подвел итоги собрания.

Международные отклики

ТЕНЬ МАКАРТУРА НАД ГОСДЕПАРТАМЕНТОМ США

Собравшись вновь после довольно продолжительного перерыва, Генеральная Ассамблея ООН в конце прошлой недели одобрила американскую резолюцию об объявлении эмбарго (запрещения) на поставки в Китайскую народную республику и Корею народно-демократическую республику. Послушная «машина голосования» снова была приведена в действие, и наблюдатели смогли зафиксировать еще одно нарушение Устава ООН, столь же беззастенчивое и наглое, как и предыдущее.

Английская газета «Таймс» признает, что одобренная американскими сателлитами резолюция об эмбарго продиктована Соединенными Штатами: «Данное событие открыто расценивают как капитуляцию под нажимом американцев, если не как прямую победу (!) доктрин генерала Макартура».

Принятие резолюции о введении эмбарго как раз и разоблачает перед всем миром тщетные потуги тех официальных американских кругов, которые отстранение Макартура пытались представить чуть ли не как «мировую акцию», кардинально изменяющую политику Соединенных Штатов на Дальнем Востоке. Ницого подобного! Хотя Макартур сегодня не у дел, ему не приходится особенно печалиться: в конечном счете, ведь именно его политику проводит госдепартамент США. И не только проводит, но подчас и завылет об этом открыто.

Едва ли не в тот самый день, когда американское большинство в ООН с готовностью прошептало резолюцию о введении эмбарго, на приеме, устроенном в Нью-Йоркском отеле «Уолдорф-Астория», выступило поджигательское «стро» — дипломаты Риск и Даллес и сенатор Дуглас. Их откровенные высказывания наглядно подтверждают «победу» доктрин генерала Макартура, о которой шла речь в газете «Таймс».

Помощник государственного секретаря США по делам Дальнего Востока Риск, «не вдаваясь в детали», как он сам предупредил слушателей, и злобно брызгая слюной, обрушил на правительство Китайской народной республики горы клеветы и приняты разве только в среде американских дипломатов непристойных оскорблений. «Мы не признаем никакие власти. — истерично вопил Риск. — Это по правительству Китая. Оно не имеет права выступать от имени Китая», и т. д. и т. п.

Но кто же тогда, если не Центральное народное правительство, является подлинным представителем Китая? Как и следовало ожидать, мистеру Раску по душе отвернутая и изгнанная народом растительная клыка Чан Кай-ши.

Присутствуя бешеной злобой, обуревающий американского дипломата, свидетельствует не только о полной утере государственных деятелями США чувства реальности. Его выступление кроме того показывает, что американские империалисты, вводя эмбарго на экспорт в Китай, намерены продолжать в то же время войну в Корею, вооружать клыку Чан Кай-ши и расширять, таким образом, агрессию против свободного Китая.

Риск, имеющий, между прочим, звание полковника, с истинно солдафонской прямоотой, по-макартуровски выболтал то, что другие американские официальные лица предпочитают камуфлировать фальшивыми заявлениями о «добрый воле». Поэтом совсем не случайно лондонская «Таймс», проявляя явное беспокойство по поводу результатов англо-американской авантюры в Корею, пишет: «Точка зрения, высказанная Раском, во многих отношениях совпадает с точкой зрения Макартура». Подобное «совпадение» и не удивительно, если учесть, что обе, с позволения сказать, «точки зрения», это, по сути дела, один и тот же агрессивный курс нарушения международного мира и безопасности народов.

ЛИТЕРАТОР

Накануне юбилея Большого театра

Через несколько дней советский народ будет отмечать знаменательную дату в истории русского музыкального искусства — 175-летие Государственного академического Большого театра Союза ССР. На предприятиях, в клубах, театрах, в учреждениях сейчас читаются доклады и устраиваются беседы о значении Большого театра в создании русского национального исполнительского стиля в опере и балете — стиля, получившего всемирное признание.

Со всех концов страны в адрес юбилейного идет поток писем и телеграмм. Пишут рабочие, колхозники, деятели искусства, литераторы и науки, учащиеся, солдаты и офицеры Советской Армии. Пишут приветствия из-за рубежа — пишут работники театров Варшавы, Вроцлава, Познани, Софии, Бухареста, прогрессивные театральные деятели буржуазных стран. В этих приветствиях выражена сердечная любовь к «русской национальной академии музыки», к театру, на сцене которого многие десятилетия звучат классические оперы Глинки и Даргомыжского, Чайковского и Мусоргского, Бородина и Римского-Корсакова, произведения мировой музыкальной классики, лучшие произведения советских композиторов.

В связи с предстоящим юбилеем многие ведущие артисты Большого театра выезжали с творческими репортажами на великие стройки, в колхозы, во многие города Урала, Поволжья, Украины.

Торжества, непосредственно связанные с юбилеем, начнутся в Большом театре 26 мая приемом делегаций. В последние два дня в Москву прибыли делегации из Грузии, Армении, Украины, Латвии, Азербайджана, Казахстана и Ленинграда. Приветствия театру готовят многочисленные театральные, коллективные, общественные организации, коллективы заводов, культурно-просветительных учреждений, учебных заведений. Многие предприятия готовят подарки театру-юбилею: модели новейших машин и приборов и другие образцы своей продукции.

К ДЕКАДЕ УКРАИНСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ В МОСКВЕ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.) Местные издательства выпустили в свет новые книги к предстоящей декаде украинского искусства и литературы. В отделении издательства «Искусство» вышел двухтомник «Классическая украинская драматургия». В нем собраны лучшие произведения украинских драматургов XIX — начала XX века: Т. Шевченко, Г. Квитка-Основьяненко, И. Котляревского, М. Кропивницкого, М. Старицкого, П. Мирного, И. Тобилевича (Карпенко-Карый), И. Франко и

Леси Украинки. В сборнике 16 пьес, многие из них выходят на русском языке впервые. Над их переводами работала группа московских и ленинградских литераторов — К. Чуковский, П. Антокольский, А. Прокофьев и другие.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» выпустило «Избранные произведения» Леси Украинки в одном томе. В сборнике широко представлены лирика, поэмы и легенды, драматические поэмы.

Университет в Закарпатье

На окон Ужгородского государственного университета видны темные, трескающиеся стены. Поднимаемся тихой, теневой, извилистой улочкой на невысокий холм, войдем в большие двери университетской фундаментальной библиотеки и широкими, полами лестницами пройдем в читальный зал. Высокие потолки, мягкая, успокаивающая глаза окраска стен, сверкающие подиумом светлые столы и стулья работы знаменитых ужгородских мебельщиков, простор и тишина — все это располагает к труду за книгой, к размышлению. В каждом окне, словно в раме, заключен законченный живописный пейзаж, радующий глаза своеобразным красок, мягкостью очертаний. Вот, поперутые дымок, возмужавшие долины округлые горы. Это Карпаты. В той стороне — Польская народная демократическая республика. А вот расстилается ровная, зеленая, степного типа земля — это уже Чехословакия. Видно, как селяне пахут землю, как над их домиками вьются дымы... Видно, как текут лес, — Венгрия. Земли трех государств — Польни, Чехословакии и Венгрии — сходятся возле Ужгорода. Со всем недавно, в день 1 Мая, наши границы представляли собой удивительное зрелище: к самой границе подходили празднично наряженные жители окрестных зарубежных сел с букетами цветов и флагами. Они, стоя на своей — чехословацкой, польской, венгерской земле вдоль границы с Советским Союзом, приветственно взмахивали флагами, цветами и кричали: «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует великий Сталин!», «Сталин — мир! Сталин — мир!»

Прежде, вплоть до своего освобождения в 1944 году, Закарпатье на протяжении многовековой истории, поной страданий народов, находилось в укладе как экономическом, так и культурном. Сменялись различные колонизаторы-оккупанты, а режим, направленный на уничтожение всего национального — культуры, литературы, искусства и, наконец, языка, оставался одним и тем же. Обскация Закарпатья буржуазно-помещичьей Австро-Венгрии. «Земля без имени», «вымирающее племя», «погибший народ», «менеджи» — вот клички, которыми австро-венгерские феодалы-помещики и капиталисты награждали эту землю и людей, живущих на ней. Каленным железом выжигались все украинское. В 1916 году будапештская газета «Нешти гирлат» писала: «Есть в нашей державе народность из трехсот тысяч душ. Она полностью маляризировалась, так что и забыла говорить на своем языке...»

Нет, не забыли закарпатцы свой родной язык! На Верховине — так здесь называют горные области — в дзельских селах сохранился прошедший сквозь буря и грозы истории чистый народный украинский язык. Многие крестьяне и рабочие предпочитают не отдавать своих детей в школы, зная, что их будут насильственно обучать искусственно созданному маляризованному жаргону. Его насладила и фашистский режим при гитлеровском приходе Хорти.

Но вот изменилась судьба народа. В октябре 1944 года войска 4-го украинского фронта освободили Закарпатье. 26 ноября 1944 года первый съезд Народных комитетов, выражая волю народа, принял манифест о воссоединении Закарпатской Украины с Советским Союзом в составе Украинской Советской Социалистической Республики.

Это сразу же отразилось и на судьбах национальной культуры.

В победном 1945 году 18 октября бы-

Виктор ВАЖДАЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ла принято постановление об открытии в Закарпатье, в Ужгороде, государственного университета. А 1 февраля 1946 года здесь, в этом первом за все многовековую историю Закарпатья университете, начались учебные занятия.

У нас учится около тысячи студентов, — говорит ректор университета тов. Ткаченко. — Кроме того, заочно обучается 797 человек. В самых отдаленных округах люди тянутся к знанию. Например, в Раховском округе на протяжении двадцати лет хозяйничала буржуазное чехословацкое правительство не было ни одной средней школы! А сейчас там 4 средних школы, 21 семилетка, 46 начальных школ, в которых обучается 10.356 детей.

Университет получил, не считая помещений библиотеки, пять больших зданий: три — под учебные корпуса историко-филологического, физико-математического, биологического, химического и медицинского факультетов и два здания — под общежития для студентов.

Когда открывался университет, были люди, которые «предупреждали» нас, что мы не наберем нужного числа студентов, — рассказывает ректор. — Нам советовали подождать с открытием университета, пока, мол, не поднимется общий уровень всей областной сети народного образования. Однако перестраховщики прощались, заявляя в университете оказалось больше, чем мест. Многие поступающие держали экстерном за среднюю школу.

Мы жили в селе Горняк, под самым Ужгородом, — говорит студент-историк Михаил Пову. — Отец работал чернорабочим на каменоломне. При чехах мне удалось учиться, но в 1938 году, когда в Ужгород пришли маляры, учение пришлось бросить и пойти работать на каменоломню вместе с отцом. Помню, как я тогда плакал. «Что ты рывешь, мальчишка?» — спросил меня пан начальник. «Обидно», — сказал я, — люди учатся, а мне дорога заказана». «Люд и?» — повторил он. — А ты разве «люд и»? — Он рассмеялся. — Запомни, щенок, — сказал пан, — человек начинается с барона! Он повернулся и ушел. А я остался на каменоломне. Что было бы со мной дальше, не знаю. Но пришло освобождение Закарпатья. Я вступил в комсомол, и комсомол направил меня по верному пути. Я окончил совнаршколу и остался на комсомольской работе. Я не мечтал получить законченное среднее образование, как вдруг — университет!.. Цельный год я занимался, не жалея сил. Хороший человек — учительница тов. Урва помогла мне: и я стал экстерном за среднюю школу и поступил в университет. Сейчас я на третьем курсе...

Об этом же говорит и Мария Пешак — студентка третьего курса историко-филологического факультета. Она коммунистка, член горсовета и сталинский стипендиат. Родители ее раньше батрачили в Чехословакии, потом переехали в Мукачево, где занимались полевой работой. Там Мария училась в «гражданской» школе (не то подобное семилетке). Но что это была за школа!

— Нас учили вышиванию, вязанию, — говорит Мария Пешак. — Мы делали карточки из бумаги... Мою речь искал «гражданская» школа так, что, когда я после освобождения в 1944 году поступила в педагогическое училище, мне пришлось заново учить украинский и русский языки.

В работе Ужгородского университета проявилась одна характернейшая черта советского общества: чувство коллективной заинтересованности как организацией, так и отдельными людьми во всяком нужном и государственно важном деле. Из Киева, Харькова, Ростова, Одессы и Днепропетровска прислали в Ужгород преподаватели и профессора. Московский, Ленинградский, Киевский и Ростовский университеты, Нежинский педагогический институт, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина прислали Ужгородскому университету книги для его библиотеки. Уже сейчас она насчитывает 220.000 томов. Московский университет, кроме того, подарил ужгородцам приборы для физических кабинетов.

Очень интересное и плодотворное направление возглавлено академиком Героем Социалистического Труда В. П. Филатовым, который вместе со своей клиникой взял шефство над медицинским факультетом Ужгородского университета. Академик Филатов дважды — в 1949 и 1950 гг. — приезжал в Ужгород и читал студентам особый курс по наиболее сложным глазным заболеваниям, иллюстрируя лекции специальными кинофильмами. Два его ближайших сотрудника — профессор Фишер и доцент Курныкин — также приезжали для лекций и консультаций в Ужгородский университет.

Окруженный вниманием и заботой всей советской страны, растет и расцветает этот перенес Закарпатья. На факультетах Ужгородского университета идет большая научная работа.

Под руководством доцентов Борисовой, Ауслендера, Релько, Терлева и других студенты историко-филологического факультета в своих дипломных работах ведут исследования, связанные с современностью, с жизнью Закарпатья. Таковы, например, работы выпускников тов. Тимошук «Стационарное движение в Закарпатье в годы мирового экономического кризиса 1929 — 1930 гг.» или тов. Небесика «Болховитинский фольклор Закарпатья». Интересные, имеющие народнохозяйственное значение работы написали дипломанты — сталинские стипендиаты тов. Бубрик, исследовавший грибные болезни плодовых деревьев Тягичского округа и меры борьбы с ними, и тов. Добор, разработавший тему: «Распространение печеночного сосальщика рода скота в Свалявском и Ужгородском округах».

Ужгородский университет постепенно превращается в крупный научный центр. Здесь куются кадры новой социалистической интеллигенции.

В феврале 1951 года 64 ужгородских студента получили дипломы об окончании университета. Сейчас заканчивает университет еще 108 человек. В один год университет дает два выпуска общим числом в 172 дипломанта. В области огромная потребность в педагогических кадрах. Сейчас здесь работает 6.200 учителей. Открываются новые школы; кроме университета, есть педагогический институт, 14 техникумов.

Какое бесчисленное множество высших учебных заведений создала советская власть в нашей стране! Всюду и везде — от солнечного Талкистана до суровой, холодной Якутии — распахнулись двери высших учебных заведений для бывало в истории культуры потока молодежи, ищущей к знанию. И здесь, в освобожденном Закарпатье, в этой цветущей молодой стране, вырвавшейся из капиталистического плена, нарождающиеся таланты получили доступ к вершинам науки. Такова сила нашего общественного строя, обуславливающего невиданный расцвет национальной культуры, культуры социалистических наций, объединенных в дружную семью советских республик.

„Пословица недаром молвится“

Яркость, законность и простота народной речи найдя и находят свое выражение в пословицах и поговорках. И не нужно говорить о том, что, изучая родной язык, нельзя не обращаться к фольклору.

Но почему-то за последние десятилетия у нас не издаются сколько-нибудь значительные сборники пословиц и поговорок. Старые же фундаментальные издания уже давно стали библиографической редкостью. Последний раз сборник Дала «Пословицы русского народа» был издан в 1904 году: лишь с большим трудом его можно найти в букинистических магазинах. Других подобных изданий не было. Но и Дала, конечно, не мог собрать, а тем более опубликовать всех пословиц. К тому же в живом языке все время появляются новые пословицы и поговорки. Советские фольклористы записывают их. Однако работа эта часто проводится впустую, так как собранный материал почти не публикуется.

Издательством следует целесообразно было бы пересмотреть и переиздать отдельные старые сборники. «Пословица недаром молвится». Устное народное творчество должно найти свое место в нашей печати. Хороший сборник пословиц, поговорок, устных легенд и песен очень нужен агитаторам, писателям, журналистам, педагогам.

А. АСТАФЬЕВ,
преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Военно-инженерной Краснознаменной академии имени В. В. Куйбышева

ОТ РЕДАКЦИИ.

Вопрос, поднятый А. Астафьевым, имеет немаловажное значение. Наши знания о сих пор с непростительным пренебрежением относятся к фольклору. Например, Гослитиздат и «Советский писатель» за все время своей работы не дали читателям ни одного достаточно полного (включая пословицы, поговорки, загадки и т. п.) издания русского фольклора!

Руководствуясь сталинским учением о языке, советские фольклористы должны издать полные научно классифицированные и комментированные сборники устного творчества всех советских народов.

Пора нашим издательствам коренным образом изменить свое отношение к фольклору!

По следам выступлений

«Литературной газеты»

«Товарищ Ратунный

опровергает...»

Так назывался опубликованный в «Литературной газете» 5 апреля этого года фельетон о серьезных недостатках в коммунистическом хозяйстве Г. Урляска. Заместитель председателя Горисполкома тов. Ратунный, нетерпимо относясь к критическим сигналам трудящихся, нужных мер к устранению недостатков не принимал.

Председатель Западно-Кавказского облисполкома С. Гафратуллин сообщил в фельетоне, что факты, изложенные в фельетоне, полностью соответствуют действительности.

За пренебрежительное, барское отношение к критическим письмам трудящихся и отсутствие серьезной заботы о наведении порядка в городском хозяйстве тов. Ратунному объявлен строгий выговор с предупреждением. Горисполком предложено улучшить контроль за деятельностью Горкомхоза, оказывать ему систематическую помощь в успешном выполнении плана благоустройства города.

Советский адвокат

Письма в редакцию

Есть одна профессия, о которой мало говорят и еще меньше пишут. — это профессия адвоката. Большая работа, повсюду адвокатами на суде, их общественно-политическая деятельность слабо освещается на страницах газет и журналов.

Не показав моральный облик советского адвоката и в нашей литературе. А один из юных героев «Молодой гвардии» А. Фадеева произносит даже такую странную фразу: «Все-таки гапо, например, быть защитником на нашем суде».

Да и в житейской практике еще имеет хождение старое представление об адвокате, как о «присяжном поверенном», который может, торгуя своей совестью, доказывать и защищать все, что угодно.

Тот, кто так думает, забывает, очевидно, что в нашей стране адвокат — это помощник правосудия, заинтересованный в том, чтобы, в рамках закона, установить основания и мотивы для смягчения вины подсудимого или признания его невиновности. Адвокат должен помочь советскому гражданину, привлеченному к ответственности, реально использовать свои права, гарантированные в статье 111 Конституции СССР.

Недооценку роли и задач советского адвоката, где-то существующую, можно в определенной мере объяснить и тем, что ряды некоторых адвокатских коллегий еще засорены случайными людьми.

Положение об адвокатуре, нуждающейся в коренной переработке, не запрещает допуск к этой работе лиц, ставших адвокатами после того, как они не оправдали доверия на какой-либо другой работе, например, в прокуратуре или в суде.

Легкомысленное отношение к подбору кадров, либерализм и халатность при подборе отдельных коллегий создают возможность для проникновения в адвокатуру «дьяволов» вроде некоего Барсукова, который хотел перебивать чью бы то ни было коллегиям и вступать в советские суды злоупотреблений и аморальных поступков.

Но это же адвокатской среде терпит таких людей?

На это можно ответить одно: в ших коллегиях еще слабо развита большевистская критика и самокритика, еще живы либерализм, боязь «обидеть» товарища, нежелание «выносить сор из избы».

Весьма неблагоприятно обстоит дело и на теоретическом фронте. На каких пособиях должен учиться молодой советский адвокат? Лить после Великой Отечественной войны? Ответ адвокаты Министерства юстиции РСФСР вынули ряд полезных пособий по уголовному процессу для начинающих адвокатов. Однако это нужное дело прекратили, а о переиздании никто не думает. За все годы существования нашей адвокатуры Юридическим издательством была сделана лишь одна попытка — да и та неудачная — выпустить сборник статей в качестве пособий для адвокатов. Теоретических работ просто нет. Нет и сборника речей лучших советских адвокатов.

А ведь какие сложнейшие вопросы ставит подчас перед нами жизнь! Возьмем пример из практики. Идет судебный процесс. Вина подсудимого полностью показана на материальных дела. Однако подсудимый все-таки отказывается признать себя виновным. Слово для защитительной речи предоставляется адвокату Пашутину. Но в процессе дела адвокат пришел к выводу о доказанности вины своего подсудимого и, выступая, просит лишь смягчить наказание. Подсудимый возмущен и в своем последнем слове обвиняет адвоката чуть ли не в предательстве. Дело Пашутина рассматривается на президиум коллегии. Разгорается прения, многие считают, что адвокат неправ, что он должен был

только грамотно изложить в пользу подсудимого, утаив от суда свое мнение.

Прав ли Пашутин или нет? Как вообще должен поступать адвокат в подобных случаях? Иный ответ на подобный и многие другие вопросы должна дать теория советской адвокатуры.

Пора подумать и об изменении формы оплаты адвокатского труда. В настоящее время заработная плата адвоката зависит в основном от личного усмотрения заведующего консульства. Нужно подумать об установлении гарантийных ставок для адвокатов. Существующий институт усателю, она не предусматривает полного ряда поупений, выполняющих адвокатом, не предусматривает его квалификации.

В январе этого года состоялось Всесоюзное совещание председателей коллегий адвокатов в Министерстве юстиции СССР. К нему долго и тщательно готовились в коллегиях, по заданию министерства разработали и обсуждали новые проекты положения об оплате труда адвокатов. Эти проекты совещание приняло характер обмена опытом работы между коллегиями и обсудило проект положения об адвокатуре, выработанный самим министерством и, по сути дела, очень мало отличающийся от действующего положения. Обмен опытом, конечно, очень полезное начинание, но мы ожидали большего. Мы хотели серьезной проработки работы адвокатуры и разрешения всех наболевших вопросов.

И. ВЛАДИМИРОВ,
председатель президиума Ленинградской областной коллегии адвокатов

Если поговорить с каждым адвокатом в отдельности, можно узнать много интересного. Вам расскажут о судебных процессах, где в условиях сложного анализа улик возрождалась личная защита. Вам расскажут и об огромной консультационной работе, проводимой среди населения этим отделом специалистов.

И все же далеко не всегда работа адвоката удовлетворяет бытия.

Врачом может быть лишь человек, окончивший медицинский институт. А адвокатом иногда работают люди вовсе без высшего специального образования. Пора решить, кто не имеет юридического образования, тот не может быть адвокатом.

Обязан ли адвокат принимать любое поручение по уголовному или гражданскому делу, если с позитивной поазиатской (ловитель) он заранее не согласен?

Нельзя прямо сказать — нельзя кивать душой. Не согласен с линией защиты, избранной поазиатским, — предупреди его об этом заранее.

Вправе ли адвокат выступать в любой стадии судебного разбирательства? Надо твердо установить, в каких судебных инстанциях после принятия дела судом в своем производстве адвокат может выступать, конечно, за исключением случаев, особо оговоренных в законе. Есть закон о судостроительстве СССР не запрещает, например, ведения дел адвокатами в порядке взыскания.

Президиумы коллегий адвокатов над условиями труда адвокатов не думают, не считают его своим делом. Несмотря на специальный приказ министра, адвокатам в ряде судов приходится изучать дела... в коридоре. Многие юридические консультации втянуты в плохих помещенных.

Пора широко обсудить вопрос об адвокатуре, поведать ее работу критике и вместе с тем изжить еще имеющиеся серьезные недостатки.

Л. ЛЕНСКИЙ,
член Московской городской коллегии адвокатов, кандидат юридических наук

Туман, который надо рассеять

Вопрос об отношении к литературоведческому наследству имеет глубокое значение для советского литературоведения. Есть много неразработанных проблем, и плодотворная творческая дискуссия вокруг них закономерна. Поэтому естественно, что, выступая в Киеве с докладом «Значение труда И. В. Сталина» «Марксизм и вопросы языковедения» для советского литературоведения», член-корреспондент Академии наук СССР, действительный член Академии наук УССР А. И. Беленский выдвинул некоторые дискуссионные вопросы. В его докладе есть плодотворные мысли и интересные замечания; заслуживают, например, серьезного внимания мысли, направленные против догматизма и схоластики, против тех, кто рассматривает литературу не как надстройку. Но есть положения, которые заставляют насторожиться, а кое в чем решительно возражать автору.

Партийная печать, писательская и научная общественность года три тому назад подвергли резкой критике буржуазно-либеральную концепцию академика А. Веселовского, разоблачили реакционность его космополитической, компартистской «теории», ложность его так называемого «сравнительно-исторического метода». Веселовский пропагандировал антинаучную теорию «миграции сюжетов», доказывая, что развитие мировой литературы состоит в обновлении старых сюжетов. «Каждая новая поэтическая эпоха не работает ли над истерия завещанными образами, обязана возвращаться в их границы, позволяя себе лишь новые комбинации старых...» — писал Веселовский.

Эта теория рассматривает литературу, как замкнутый, оторванный от жизни народа ряд, как явление, не имеющее национальной почвы, народных корней и пытающееся сбавить чужеродных, приспешных из других стран образов и мотивов.

Реакционная роль так называемой сравнительно-исторической школы Веселовского была разоблачена со всей убедительностью. Партийная печать указала, что нужно «разоблачать буржуазно-либеральное существо его концепции и идеологический вред литературных выступлений с апологетикой реакционных взглядов Веселовского».

Реплика члену-корреспонденту Академии наук СССР А. И. Беленскому

Вот сейчас, спустя три года, тов. Беленский снова поднимает вопрос о школе Веселовского, правда, в виде глухих намеков. «И. В. Сталин указывает, что Н. Я. Марр осуждал сравнительно-исторический метод, как идеалистический, что у Н. Я. Марра и его учеников слово «формализм» употреблялось как похвала и что оба термина стали пугалом, которым либералы отгоняли своих противников. Литературовед следует над этим задуматься. Он не должен отвергать априори всякие научные сопоставления отечественной литературы с литературой зарубежных стран».

Когда мы встречаемся с глухими намеками, с туманными выражениями, всегда полезно бывает рассеять туман и обилжить существо вопроса. Тов. Беленский намекает, что совершенно справедливым словам И. В. Сталина о сравнительно-историческом методе в языковедении следует отнестись и к сравнительно-историческому методу в литературоведении.

Прежде всего о сопоставлениях отечественной литературы с зарубежными. Да, наука о сопоставлениях отечественной литературы с зарубежными не должна быть приемом при исследовании. Опытный исследователь является полезным помощником при исследовании. Опытный исследователь является полезным помощником при исследовании. Опытный исследователь является полезным помощником при исследовании.

Но были и сопоставления другого рода, в которых упреждались Александр и Алексей Веселовские и их соратники. Слова о сопоставлении — пустые слова, пока не будет выяснено, о каких сопоставлениях идет речь. Нельзя за-

быть, что сопоставлениями в духе так называемого сравнительно-исторической школы десятки лет забивали головы литературоведов. Инде на тех, что в молодые годы подпали под влияние этой школы, давно уже стали профессорами и академиками. Сколько тысячам студентов внушали они за десятилетия научно-педагогической работы свои отсталые представления! А ведь речь идет не о каких-то отвлеченных понятиях, касающихся небольшого круга специалистов. Речь идет о коренных вопросах мировоззрения, о воспитании патристического чувства, об умении правильно, подлинно научно оценить роль нашего народа в развитии мировой культуры.

Напомним одно из «сравнений», типичных для школы Веселовского. Византийской сказке, писал Веселовский, сопоставляя русские былинны о Чуриле Лелюковиче и Иване Гостипом сыне с византийским «образом», «пришлось бы найти в новой, более простой бытовой обстановке и поступить многим, что не шло к новой среде, либо поупрощенное необходимо облеклось в более грубые формы. Таково некое «шпаление» и дубочное шпаление Чурилы — по сравнению с византийскими юношами, красующимися перед Афинадой; тем же деревенским парнем, дающим чувствовать за собой более утонченный полтинник, отыскивает в песнях о Чуриле вычурное описание его хворца, его любовные приключения, впечатления, произведенные им на женщин: это — настолько же грубость житейского взгляда, насколько грубое усвоение чужого».

Не ясно ли, что в подобном сопоставлении лейтмотивом является неуважение к своему народу, его культуре? Не ясно ли также, что подобные «исследования» играют наружу именно тем, что объясняют русский народ неполноценным, второстепенным. Выступая против таких «сравнений», мы выступаем против живых космополитических версий, против поправки национальной гордости советских людей.

Думаем, что тов. А. И. Беленский неоправданно проточит аналогии между сравнительно-исторической школой в литературоведении и сравнительно-историческим методом в языковедении. Дело не в названии, а в той реальной работе, на которую ориентирует та или иная школа, тот или иной метод.

Сравнительно-исторический метод в языковедении помогает представить картину

исторического развития словарного состава и грамматического строя языка. Сравнение языков, если оно не выхолащивает реальную историческую почву, на которой они образовались и развиваются, по-может разоблачиться во многих вопросах семантики, синтаксиса и т. д.

Товарищ Сталин, поставив перед языковедами задачу изучения языкового родства славянских наций, указывает:

«...Изучение языкового родства этих наций могло бы принести языковедению большую пользу в деле изучения законов развития языка».

Большую помощь в деле изучения законов развития языка — вот что дает сравнительно-исторический метод, если его освободить от присущих ему недостатков! Но обратимся к «школе» Веселовского. Какие законы развития существуют и литература может помочь постигнуть это? Работы Веселовского проникнуты равнодушием к конкретной истории, к литературе, как отражению жизни, отрицанием значения идейности в искусстве. Сравнительно-исторический метод, как он выражен в работах Веселовского, есть на другом полюсе отношение к традициям, к истории и науке к изучать каждое явление конкретно, в его историческом своеобразии. Грубая схема, папистически налагаемая на живые и вечно подвижные явления искусства, не может дать ничего для постижения законов развития искусства.

Нам кажется, что в докладе А. И. Беленского в туманной, предположительной форме ставится вопрос: нельзя ли пересмотреть сложившееся у нашей научной общественности отношение к Веселовскому и его «школе»? В повестку дня партийной научной сессии по литературоведению в Москве был включен доклад тов. Беленского «Проблема научного наследства в советском литературоведении». К сожалению, проходившая в эти дни в Киеве сессия Академии наук УССР не позволила тов. Беленскому принять участие в сессии по литературоведению. Но тезисы, разработанные им, опубликованы в числе других материалов сессии, и они подтверждают сделанные выше предположения. Много непереного в тезисах товарища Беленского!

Вместо того, чтобы провести четкую грань между революционными марксистскими и их ближайшими предшественниками — великими революционными демократами — с одной стороны, и буржуазным литературоведением, с другой, показать все великое превосходство народной науки (такое превосходство здесь необходимо), тов. Беленский делит литературоведческое на-

следство на три составные части — труды представителей русской демократической мысли, науки представителей «академической» науки (Веселовский, Пыпин, Буслаев, Тихомиров) и, наконец, работы буржуазных литературоведов буржуазных стран.

В изучении наследия революционных демократов автор тезисов видит только «несомненные достижения».

Трудно согласиться с этим слишком благопоучным выводом, оправдывающим любое скопление мимо вопроса о наследии революционных демократов. Нам кажется, что великое наследие Беленского, Чернышевского, Добролюбова еще плохо изучено, что имеется немало изречений их творчества, которые еще предстоит преодолеть. Тов. Беленский упоминает об этом, считая необходимым призвать прежде всего к изучению «академической науки» в России и буржуазных литературоведов Запала. (Заметим в скобках, что в тезисах отсутствует даже упоминание о необходимости изучать наследие значительных, хотя и не свободных от ошибок, марксистских исследователей — зарубежных, как Ф. Мерино, Р. Люксембург, П. Лафарг, и русских, как В. Воронский, М. Ольминский.)

Пафос тезисов академика Беленского — в борьбе с «односторонним отрицательным», как он пишет, отношением к трудам таких ученых, как Веселовский, Пыпин и другие. Он подчеркивает прежде всего «несомненно положительные стороны» их деятельности, их эрудицию, знание большого количества фактов. Явно стремясь обезопасить себя от упреков в односторонности, А. Беленский говорит и о «серьезных пробах» деятелей академической науки. Он говорит об их «эпохальности в области сителеза», о «талантливости в глубокой старости», «отрице от живой жизни». Но можно сказать, что Веселовский и Пыпин — кабинетные ученые, стоявшие в стороне от жизни. Когда Веселовский проповедовал свою реакционно-идеалистическую теорию, он не стоял в стороне от борьбы. Нет, он участвовал в борьбе против идей Беленского и Чернышевского, против идеализма и революционной демократии. Когда он оскорблял чувство национальной гордости, утверждая несомненность, подражательность нашего искусства, — разве не помогал он объективно тем, кто держал Россию в кабале и не хотел допустить развития духа национальной гордости и духовной независимости в нашем народе? Разве действительность «культурно-исторической школы» Пыпина, вос-

стающей против печатания революционной эмгратшей за границы пределов Чернышевского, выходящая за границы революционного содержания наследия Чернышевского и Добролюбова, не содействовала разоружению тех демократических масс, о вооружении и которых заболелась Чернышевский?

Следует помнить, что за нашей литературной наукой пристально следят прогрессивные литературоведы и критики зарубежных стран, и прежде всего стран народной демократии. Им приходится вести острую борьбу с космополитическими, нигилистическими взглядами на культуру и искусство своих народов, преодолеть реакционные концепции, культивировавшиеся в прошлом и ныне экспортируемые американскими гангстерами от идеологии. Не ясно ли, что либеральная терпимость к реакционным взглядам мешает мобилизации сил прогрессивной литературной науки за рубежом!

Действительность Веселовского, Пыпина и их соратников в истории русской науки была проявлением теоретического уклада, творческих реакционных влияний. Мы критикуем не отдельные пробы, как известно выражается А. И. Беленский; и мировоззрение и Веселовского враждебно советской культуре, советской науке.

В основе оценки деятельности Веселовского должно лежать признание враждебности системы его взглядов советскому литературоведению. Что касается широкой эрудиции и большого количества накопленных фактов, то следует сказать, что только четкое осмысление реакционной сущности концепции Веселовского позволяет критически использовать фактические материалы работ его школы. Рассуждать иначе — значит менять право первоурода на чечевичную похлебку, сдавать принципиальные позиции.

Тов. А. И. Беленский высказывает свои мысли так, как будто не было критики Веселовского нашей общественностью, как будто можно просто пройти мимо вопроса с космополитизма, национальным нигилизма «теории» Веселовского.

Также выступления, как выступления А. Беленского, должны заставить серьезно задуматься критиков и литературоведов. Видно, мы в литературоведческой и критической практике недостаточно развлекли нашу концепцию, метод, мировоззрение буржуазного компартистизма, не сумели глубоко вскрыть его порочность, его враждебность идеологии советского общества, если до сих пор отдельные крупные ученые выступают с проповедью терпимости к этим чуждым взглядам.

Б. РЮРИКОВ

О национальной специфике литературы

Товарищ Сталин указывает, что «каждая нация... имеет свои национальные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее».

Качественные особенности, специфика нации выступают с наибольшей наглядностью в области ее духовного облика, лексического склада, «проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры».

В обществе, разделенном на классы, национальное и классовое находятся в неразрывной связи; поэтому необходимо различать в национальной специфике то, что прогрессивно, то, что регрессивно, то, что обращено вперед, в будущее, то, что связано с коренными интересами нации по преимуществу, т. е. ее бытийности, ее трудных слоев, производителей материальных благ. Необходимо отличать национальный «драму» от национальных «предрасудков», связанных с узко-корыстными интересами эксплуататорских классов или порожденных тяжелыми условиями жизни эксплуатируемых народных масс, например, крепостническим гнетом в царской России, вызвавшимся им народной отсталостью и т. д. В национальном «драме» и заключается то подлинно ценное, что является вкладом данной нации в общую сокровищницу мировой культуры.

Чем более передовым, исторически прогрессивным является тот или иной класс, тем в большей мере оказывается он носителем в данный исторический момент национального «драмы», подлинной национальной специфики.

В один из грозных критических моментов истории русского народа, когда серьезная опасность нависла над всей страной, когда гитлеровские орды развалили в Москве, товарищ Сталин со всей энергией и силой подчеркнул мощь и величие русской нации — «нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова...». В этом перечне деятели русской художественной литературы занимают, как видим, весьма почетное место.

Чем более национальным в истинном значении этого слова является данный писатель, тем полнее, глубже и художественнее выражает он качественные особенности, специфику своей нации, тем больше его творчество дополняет и обогащает сокровищницу мировой культуры, тем несомненно приобретает оно мировое значение. Отсюда и проистекает мировое значение таких великих гениев, как Гомер, Данте, Сервантес, Шекспир, Мольер, Гёте, как Пушкин, Лев Толстой, Максим Горький.

Выдавать, показать в произведениях художественной литературы национальную специфику является одной из важных задач критика-литературоведа. Путь к этому — изучение литературного явления в теснейшей непосредственной связи с национальной почвой, его породившей, с национально-историческими особенностями жизни данного народа в данный период (расстановка социальных сил, классовая борьба и т. д.), с национальными культурными и литературными традициями.

Национальная специфика русской литературы обусловлена своеобразием русского исторического процесса. В противоположность странам Европы буржуазия в России не была носителем революционных настроений, даже таких ограниченных, как в буржуазной революции XVIII века во Франции. В то же время большинство нации изменяло в тисках самого бесчеловечного и несправедливого крепостнического гнета. Это создавало особые, более демократические, чем на Западе, формы русского освободительного движения. Борьба за ликвидацию феодализма, за новые общественные отношения начала Радичев и Лоранские революционеры-декабристы. «...Политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян», — прямо и

точно сформулировал это наиболее сильный поэтический выразитель идеологии декабризма — молодой Пушкин в своих замечаниях по русской истории XVIII века. Еще более широкий демократический характер обрело русское освободительное движение на его втором революционно-демократическом этапе, прямо выдвигавшем идею и лозунг крестьянской революции. Русская буржуазия попыталась было выйти на первое место, сыграть историческую роль в конце XIX — начале XX века. Но было уже поздно. К этому времени в стране сложился самый передовой и революционный по всем миру русский пролетариат, возглавивший борьбу за освобождение всего народа.

Своеобразие русского исторического процесса определило своеобразие русской литературы. Чернышевский prophetически указал в качестве особой специфической черты русской литературы чрезвычайно сильно выраженный в ней патриотизм, «страстное, беспредельное желание благодатью», «служение на пользу общую».

Действительно, литературно-художественная деятельность всех передовых представителей новой русской литературы — литературы послепетровского периода — была движима неугасимым патриотическим стремлением к «общей пользе», «пользе общества», ощущалась как прямое гражданское служение. Это стремление связывало у передовых русских писателей с сознанием угнетенного большинства народа — крестьянства, с реками обличениями по адресу помещиков-крепостников.

Конечно, следует твердо помнить о тех исторически и классово ограниченных рамках, в которых развивалась русская литература XVIII века. Патриотизм русской литературы XVIII века отнюдь нельзя рассматривать в качестве некоего «единого потока». Проникнутый идеями общенационального служения, высокий и благородный патриотизм вышедшего, по слову Радичева, «из среды народных» Ломоносова резко отличался от дворянского патриотизма Сумарокова, в сознании которого судьбы страны были неразрывно связаны с судьбами класса помещиков. Сентиментально-консервативному помещичьему патриотизму Карамзина решительно противопоставил революционный патриотизм Радичева. Но не забывая обо всех этих отличиях и ограничениях, все же можно и должно выдвинуть указанные черты — патриотизм, гражданственность, гуманистичность, преимущественно выраженный сатирический характер, все нарастающие элементы демократизма и народности, как некоторые типовые черты и особенности, определявшие уже в то время складывавшуюся и утверждавшуюся национальную специфику русской литературы.

Эти черты и устремления передовой русской литературы XVIII века находят замечательное развитие, возводятся на качественно новую ступень в литературной деятельности Радичева — первого представителя и деятеля России революционной.

В то время что опубликованных выдержек из письма Демьяну Бедному товарищ Сталин пишет: «Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительную историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радичевых и Чернышевских, Желболовых и Ульяновых, Халтуринных и Алексеевых».

Радичевское «Путешествие из Петербурга в Москву» оказалось как бы героическим прологом ко всему дальнейшему развитию передовой русской литературы.

Кровная связь послерадичевской литературы с развитием революционного движения не полагает сомнению: достаточно назвать три великих имени — трех великих буревестников русской литературы — Пушкина, Некрасова, Максима Горького, основополагающая деятельность которых непосредственно и теснейшим образом связана с каждым из трех, намеченных Лениным, основных периодов в развитии русского освободительного движения, трех поколений, трех классов, действовавших в русской революции. Вели-

кие представители русской классической литературы, если они являлись действительными великими художниками, — всею своим существованием — должны были в своем творчестве отразить хотя бы некоторые из существенных сторон все нарастающего, приобретающего все более и более демократический размах русского революционного движения.

«Литература наша, — прозрачно замечал Белинский, — постоянно стремилась к самобытности, народности, из риторической стремилась сделаться естественной, и а т у р а л ь н о ю. Это стремление, ознаменовавшее заметными и постоянными успехами, и составляет смысл и душу истории нашей литературы».

В творчестве Пушкина — «поэзии действительности» — проявились не только те или иные элементы русской национальной специфики, как это было у его предшественников, но качественные особенности, национальная специфика русской литературы в ее полноте.

Наш великий национальный художник-мыслитель поставил и отразил наиболее острые и вместе с тем наиболее коренные общественно-политические вопросы своей современности, продолжившие в ряде случаев сохранять свое значение и намного вперед: самодержавие и народ («Борис Годунов»), оторванность, страшная далекость от народа передовой дворянской интеллигенции («Цыгане», «Евгений Онегин»), личность и государство («Медный всадник»), наконец, и в особенности, тот вопрос, который не только во время Пушкина, но и много спустя продолжал оставаться, по словам товарища Сталина, осязательно политической жизни России — вопрос раскрепощения страны, вопрос аграрный, крестьянский, не переставая волновать Пушкина на всем протяжении его творчества от юношеской «Деревни» до «Истории села Горюхина», «Дубровского», «Сцен из рыцарских времен», «Капитанской дочки».

Глубоко национальным оставался Пушкин и в тех своих произведениях — у него, как известно, чрезвычайно много численных, — в которых он переносит свои читатели в самые различные «части света», дает картины жизни разных времен и народов. Этой «широкообъемлющей» широтой художественного кругозора Пушкина, его единственной в своем роде способностью «быть как у себя дома во многих и самых противоположных сферах жизни», восхищался уже Белинский. Но это не только не стирало с этих произведений национальных красок, а, наоборот, раскрывало богатство и широту русского характера. И в произведениях, дающих такое изумительное правдивое изображение «стороннего мира», Пушкин глядел на него русскими глазами, чувствовал русским сердцем.

Создана Пушкиным и национальная эстетическая норма, национально-русский идеал прекрасного, связанный с демократическим характером пушкинского творчества и его глубоко реалистической направленностью. Завещая свои поэтические создания не 1/10 нации, а 9/10 — всему народу, — Пушкин стремился сделать их максимально доступными, доходчивыми. Это достигалось сочетанием величайшего художественного мастерства — ясности и точности языка, звучности и музыкальности стиха, стройности и гармоничности композиции — с величайшей же непринужденностью, естественностью и высокой художественной простотой. Именно в этом заключается тот эстетический, стилизованный принцип, который был завещан Пушкиным последующей русской классической литературе. Пушкин завещал последующей русской литературе свою творческую смелость и свободу, отказ во имя правильного изображения жизни от всяческих литературных условностей, литературного сентиментализма, законспирированных жанровых форм, свою борьбу с внешней красотостью, изысканностью и манерностью стиха. И эти пушкинские традиции также стали традициями русского искусства слова.

Пушкин закрепил ту структуру русского национального языка — грамматический строй и основной словарный фонд, ко-

торая является основой современного русского языка. Величайший национальный поэт, как никто до него художественно воплотивший все элементы национальной специфики, Пушкин тем самым и стал «началом всех начал» русской классической литературы.

Послепушкинская русская классическая литература развивалась во все более и более усиливающейся и обостряющейся классовой борьбе — в борьбе между лагерем прогрессивным, демократическим, революционным и лагерем реакционным, между различными общественными направлениями и течениями внутри самого прогрессивного лагеря. Это определяло большую идейную четкость, порой резкие отличия в творчестве отдельных ее представителей. Однако национальным типом русского искусства слова, вкладом русской литературы в сокровищницу мировой культуры был тот русский критический реализм — самый правдивый, беспощадно срывающий «все и всяческие маски» с эксплуататорского общества, и вместе с тем самый передовой, благородный и человечный из всего, что было создано каким-либо другим народом, — тот специфически русский реализм, основы которого были заложены Пушкиным.

После того как русский народ в результате победы Великой Октябрьской революции стал социалистической нацией, его облик во многом существенно изменился. «Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны» (А. Жданов).

Великий революционный поэт, совершенный рабочий и крестьянин России в октябре 1917 года, имеет огромное интернациональное значение. В то же время, как напомнил товарищ Сталин в письме к Демьяну Бедному, русские рабочие, «привлекая Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими».

На основе высшего расцвета подлинной национальной специфики развивается, приобретает все большее интернациональное значение и значение, и самая передовая в мире русская советская литература. В ней в основном сохраняется, развиваясь и обогащаясь, такой существеннейший элемент национальной специфики, как русский национальный язык — язык Пушкина. Замечательно расширяется и в жизни советского социалистического общества и в отражающей ее литературе душевные черты русского национального склада.

В своей исторической записке в честь русского народа товарищ Сталин сказал: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — революционный народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».

Черты эти, выработанные в многовековой борьбе с чужеземными захватчиками, изданы присущи русскому народу — нации, давшей миру таких гениев, как Ломоносов, Пушкин, Чернышевский, как Ленин.

Ирчайшего расцвета достигают в русской социалистической нации ясность ума, стойкость характера, терпение, отражаемая в книгах наших писателей о советских тружениках и создателях, в таких замечательных образах советского искусства слова, как «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Повесть о настоящем человеке» В. Ползого.

Реализм является основной ведущей, специфической формой советской литературы, но в соответствии с изменившимися до неузнаваемости лицом страны, в соответствии с новыми социалистическими условиями жизни нашего народа, победоносного странного коммунизма, эта глубоко национальная форма русского искусства слова поднимается на качественно новую ступень, наполняется социалистическим содержанием, становится реализмом социалистическим.

В условиях жизни социалистических наций подлинно общенародное и всенародное значение приобретает и творчество писателя национальной специфики русской художественной литературы — великих писателей прошлого.

После совещания молодых писателей

На заключительных заседаниях второго Всесоюзного совещания молодых писателей правильно говорилось о необходимости организационного закрепления итогов совещания были намечены конкретные мероприятия.

Руководит начинающими авторами

РПГА. (Наш корр.). Союз советских писателей и ЦК комсомола Латвии провели организованное республиканское совещание молодых писателей, в котором приняло участие свыше ста начинающих авторов из различных городов и районов республики.

С содержательным докладом выступил руководитель латвийской делегации на Всесоюзном совещании молодых писателей В. Р. Блюм. Участники совещания В. Алатырев, Б. Бурлак, Н. Ветра, В. Золотов поделились своими впечатлениями о работе семинаров, рассказали о том, как ведущие мастера советской литературы анализировали их произведения.

Доклад о задачах советской латвийской литературы сделал К. Краулянь.

С большим интересом выслушали участники совещания выступление Анны Саксе, посвященное работе молодых писателей на латышском. Пользуясь примерами из отдельных произведений латвийской молодежи, Анна Саксе убедительно говорила о том, как важна кропотливая, настойчивая работа над словом, над совершенствованием художественного мастерства.

Жан Грива, в основном посвятивший свое выступление молодой латвийской драматургии, поднял актуальный вопрос о ранней профессионализации молодых писателей. Некоторые из начинающих авторов, преждевременно оставив работу на предприятии, в учебном заведении, в газете, писали серьезные вещи своей творческой деятельности. В. Каупуж, Н. Залорин и другие писатели, говоря о произведениях молодых прозаиков, напомнили о необходимости серьезно овладеть теорией марксизма-ленинизма, без знания которой не может обогатиться советский литератор.

Участники совещания Л. Пурс, О. Германе, П. Зунгтер и другие сделали ряд серьезных критических замечаний в адрес правления Союза советских писателей Латвии и журнала «Баргс», которые недостаточно руководят учебной литературной молодежью, мало помогают начинающим писателям в работе над их произведениями.

В республиканском совещании приняли участие Ян Сурабракис, Валдис Лукс, Арьян-Тригулис, Юлий Ванга, Анна Броделе, Фрицс Роклеманс, Ин. Плуаулис, секретари ЦК ЛКСМ Латвии тт. Э. Беман и П. Андерсон.

М. ЗОРИН

Творческие встречи

ПЕНЗА. (Наш корр.). Два дня длилось областное совещание молодых литераторов, организованное книжным издательством и редакцией альманаха «Земля родная». В нем приняло участие около сотен литераторов.

Ф. Дворянов, работник местного издательства, рассказал об итогах Всесоюзного совещания молодых писателей. Редактор альманаха «Земля родная» З. Гусева осветила состояние литературного движения в области.

Докладчики и выступавшие в прениях единодушно отмечали, что за последний год пензенская писательская организация значительно выросла. Так, член литобъединения Г. Федотов издал книгу рассказов «Счастье матери», вышла отдельной бро-

шурой очерки Г. Вьюнова, сделана в производство сборник очерков А. Ткачева, на днях выходит в свет новый сборник песен А. Анисимовой «В полево просторе», готовится к изданию сборник стихов и песен М. Пшеникина. В последнем номере альманаха «Земля родная» опубликованы произведения четырехдцати новых авторов.

Хорошо прошла встреча молодых литераторов с читателями. Свои новые работы прочитали сельская учительница Е. Мельникова, автор многих популярных песен, кандидат исторических наук А. Невмировский, преподаватель Педагогического А. Петров, колхозница из села Русский Ишим, Горюшского района, М. Смирнова и другие.

На совещании были высказаны справедливые критические замечания в адрес комиссии по работе с молодыми писателями, которая не заботится о руководстве молодыми литераторами области, не организует обмена опытом между областными объединениями.

Ф. САМАРИН

Долг краевого отделения ССР

КРАСНОЯРСК. (Наш корр.). На первом Всесоюзном совещании молодых писателей Красноярского края был представлен всего лишь один начинающий поэт. В работе второго Всесоюзного совещания принял участие два красноярских прозаика: торгово-валяльщик Н. Волков, написавший роман «Наде родное», и горный инженер А. Пошков, который привез в Москву свой роман «Дорога счастья». Несмотря на серьезные недостатки этих произведений, появление двух больших романов в других произведениях молодых писателей на страницах журнала «Сибирские огни», альманаха «Висей» и краевых газет говорит о несомненном оживлении литературной жизни края за последние годы.

На днях в отделе пропаганды и агитации Красноярского краевого комитета партии состоялось совещание писателей и редакционно-издательских работников. Отчеты тт. Волкова и Пошкова об итогах Всесоюзного совещания молодых писателей вызвали оживленные прения по вопросам работы с молодыми авторами края. Присутствующие литераторы и работники издательств и литературных кружков и в других городах края.

Странно, что краевое отделение Союза писателей, возглавляемое С. Сартаковым, по существу, устранилось от работы с молодыми авторами. Оно недостаточно интересуется деятельностью литературных объединений и литкружков. Плохо организована литературная консультация для начинающих авторов, рецензирование их произведений часто поручается малоквалифицированным работникам.

Брайспоможет уже несколько лет обогащать помощь писателям, выделяет помещения для организации кабинета молодого автора, но дальше обещаний дело не идет. Почти все собрания писателей приходится проводить на квартире секретаря отделения ССР. Далее мириться с этим нельзя.

В. КИРЬЯНОВ

Обещания и дела

ЗЛАТОУСТ. (Наш корр.). — Присылайте нам, товарищи, свои произведения, будем помогать их в альманахе, в сборниках. Во всяком случае без ответа и консультации не оставим.

Так говорила на собрании литературного объединения Златоуста председатель бюро Челябинского областного отделения Союза писателей Л. Татьяничева.

За пять месяцев, прошедших после этого собрания, число участников литературного объединения города увеличилось в три раза. Регулярно дважды в месяц редакция городской газеты «Большевистское слово» проводит «литературные пятницы». Особенно возрос интерес молодежи к литературе в период подготовки ко второму Всесоюзному совещанию молодых писателей.

Но вскоре оказалось, что бюро литературного объединения уже не в состоянии «справиться» с потоком поступающих рукописей. Достаточно сказать, что только в текущем году на обсуждение в консультацию поступили произведения более 50 авторов: два романа, две повести, около двадцати рассказов и очерков, четыре пьесы, более ста стихотворений.

Молодой поэт А. Круглов послал на консультацию в областное отделение ССР свои стихи для сборника. Неделю проходили за неделями, а ответа он не получил. Круглов сам поехал в Челябинск, три часа ждал, пока консультант т. Шелепов разыскал в канцелярии пакет со стихами, который оказался даже... нераспечатанным. Такая же печальная участь постигла рассказы Г. Даниленко, стихи Вл. Колчина, П. Мазакова, Л. Забалужева, В. Пелчаева и других.

Равнодушно относится к запросам молодых авторов и Челябинское областное издательство (директор тов. Кузнецов). Литературная молодежь Урала ждет помощи и внимания к своей работе.

Вас. ШКЕРИН

И. БОБРОВА

Глубокие перемены

Из столицы Эстонии на юг республики отправляется гусеничный экскаватор. Ему предстоит дальний путь на реку Халья. У молодого механика Эльмара Лауба много времени для того, чтобы понаблюдать со своим недавним детстве, протекавшим в тех самых местах, куда направляется экскаватор. Вспоминает Эльмар и жалкие урожан, которые собрал его отец, в бесповоротную нужду и кабалу у кулака Пийпера. Но главная дума Эльмара — предстоящем шторме Халья. Экскаватор должен пробить реку через болота и доломить барьеры, помочь отвести от колхозных полей горькие стоячие воды.

Так небольшой, на первый взгляд, эпизод разрастается в целое художественное полотно, приобретает под пером художника глубокий, обобщающий смысл. Ганс Леберехт в повести «В дороге» сумел показать жизненные, типические процессы, происходящие в современной эстонской деревне. Писатель сумел раскрыть характеры основных героев своей повести в их отношении к тому новому, что пришло на колхозные земли вместе с могучей машиной. По-разному волнуется это событие людей. Председатель передового колхоза «Бундзис», недавний батрачка Марта Нийлаус, глубоко понимает, какие огромные перспективы открывает перед колхозниками возможность увеличения пахотных и луговых угодий. Бедна здесь земля. Но Марта в своих мечтах видит эту землю обрабатываемой. Для того, чтобы справиться с этими новыми большими задачами, нужно объединить усилия многих людей, укрепить колхоз. Марта выступает в повести выразителем новых, коммунистических взглядов, которые зреют в крестьянской массе.

Ганс Леберехт, «В дороге», Повесть. Журнал «Знания», № 1. 1951 г.

По если Марта Нийлаус воплощает сегодняшний и завтрашний день эстонской деревни, то председатель колхоза «Заря» Алам Туйск — ее вчерашний день. В образе Туйска писатель показал человека с узким, ограниченным кругозором, который никак не может отказаться от старых привычек. Марта заботится о главном, начинает с самого трудного — с переделки земли, а Туйск ищет выгоды в подобном хозяйстве, возлагает все надежды на разведение серебристых лосей. Рассчитывая на легкие заработки, Туйск запускает основные работы в колхозе. «Хоть и делай, — говорят о нем крестьяне, — но одновольный хозяин: из ладони да в рот».

Показаны в повести и прямые враги колхозного строя, враги Хуго Маркуса. В пастовской Эстонии, являясь трактором и молотилкой, Хуго полюбил не малое состояние. В дни войны он состоял в фашистской бане. Однако Хуго удалось пробраться в правление колхоза «Заря» и подчинить своему влиянию нежелательного и тиешлавного Туйска.

Такие люди, как Туйск, тормозят развитие эстонских колхозов. В сущности говоря, они служат только удобным прикрытием для таких врагов нового, как Маркус. Бедняк Малис, как работяга — обособленно, по-старинке — на трудовом гниении клочке земли, так и продолжает на нем работать. Попренежимо он пахнет землей на своей старой дощатой своим старым, изношенным плугом. Вель Маркус и Туйск развешивают людей по звеньям семьями, в так, что за каждой семьей закрепили ее прежние клочки, прежних лосей, прежний инвентарь. Давно уже в колхозе «Заря» поля считаются общими, а на них все еще торчат древние жерданные ограды.

Но как ни велика сила старых привычек, новое оказывается сильнее, и про-

тив этого нового бессилен Хуго Маркус. Крестьяне, всю жизнь работавшие на земле, с немощным трудом отвоёвывавшие у трясин по пашию каждый новый крохотный клочок, радостно встречают механиков, агрономов, меллотаров, прибывших на Халья для осушения болот.

В дороге во время задушевной беседы с Маркусом Алам Туйск говорит: «Богаче, так, как Малис Пяталь и Яан Сьерма, а больше по душе, потому что мы старые привычки уважаем и все потихоньку да по-добрососедски стараемся обогатиться. Но кто их знает, как они заиграют?.. В реке, а главное, в машине вся причина...».

Ганс Леберехт обладает драгоценным умением зорко подмечать в нашей действительности ростки коммунизма, с любовью раскрывать их в образах наших современников. Его предыдущая книга — «Свет в Бюрдя» была посвящена становлению первых эстонских колхозов. Повесть «В дороге» расцвела новым этапом в жизни эстонской деревни, организацию в республике первой меллотаривной станции и начало укрупнения колхозов.

Писатель сумел убедительно показать, какое огромное значение приобретает могучая советская техника не только в деле преобразования природы, но и в формировании сознания людей.

Глубокие перемены в сознании колхозников писатель особенно наглядно раскрыл в образе старого Малиса Пяталея. С юных лет Малис привык работать в одиночку. Жизнь была к нему скупой и несправедливой, как болотная земля. Она ожесточила характер этого вечно тужащегося. Не случайно в начале повести всплывает беспринципная ссора старых соседей — Малиса с Кай Лауба. Второй год работает он в одной колхозной семье, но все еще не могут забыть старых ме-

жехов камней, перепаланных бороз, клочков сена, вывчанных из соседских стогов...

Но теперь Малис видит могучую машину, присланную русским народом, чтобы помочь ему, Малису, победить болото, с которым он сам, его отец и его дед безуспешно боролись всю жизнь.

Велико влияние этого простого факта. И неслучайно уже лень, когда упыряный, осторожный, медлительный Малис, словив в себе привычные взгляды и убеждения, смело обанчит перед колхозниками Хуго Маркуса, того, кто хотел погубить экскаватор...

В свете этих событий особое значение приобретает композиционно обрамляющая повесть история борьбы Малиса с животными на болоте волчьей. Выслеживая ее, Малис замысливает об окружающих его людях, о работе...

«И об экскаваторе подумал Малис... Выведет он вогу из болота, как дурную кровь выпустит. Нога там будет, а куда волкам деться? Идет волков. Это хорошо. Волку не должно быть места на земле».

И Малис делает вывод: «Жить имеют право только мирные люди, те, кто пахнут поля, сажает деревья, осушает болота под новые поля, те, кто строит машины и прокладывает электричество...»

Так складывается военно, приобретают обобщенный символический смысл картины борьбы с волчицей и врагом.

Ганс Леберехт стремится в спелых эпизодах, охватывающих, казалось бы, лишь небольшой круг событий в жизни, достичь глубокого обобщения, типические картины, приобретающие значение художественного символа. Уже самое название повести «В дороге» подчеркивает основную мысль автора, его стремление показать эстонский народ, идущий по дороге коммунизма.

Новое произведение свидетельствует о росте художественного мастерства писателя. Это чувствуется и в слаженной, в об-

Де Голль хочет стать французским Гитлером

PICTURE POST

The Man Who Believed He Was France Incarnate. The leading actor in the drama of the Strasbourg Rally. Alone on the platform, he proclaimed the only way to national liberation and salvation is a one-party Government to end all party governments, directed by the mystical genius of one God-guided Man.

WHAT IS DE GAULLE UP TO?

Эти снимки взяты из апрельского номера английского журнала «Пикчер пост» за 1947 год. На одном из них (слева) изображен французский генерал де Голль, на втором — бесноватый Гитлер.

Уже тогда, три года назад, поведение де Голля настолько напоминало повадки Фюрера, что даже буржуазный журнал либерального толка не удержался от их сопоставления. И действительно, даже беглого взгляда на фото достаточно, чтобы убедиться: сходство поразительно! У того и другого — одинаково театральные жесты, напыщенная «езваская» поза, тулые черты лица, карикатурные усики. Совпадают и детали туалета — по-прежнему френч и форма ремня. Французский генерал во всем копирует немецкого ефрейтора.

Под фотоснимком де Голля «Пикчер пост» напечатал: «Человек, который считает себя воплощением Франции. Ведущий актер в драме, представляющей на сцене в Страсбурге». Стоя один на трибуне, он провозглашает единственный путь возрождения и спасения — однопартийное правительство, которое покончит со всеми партийными правительствами и которое поведет мистический гений одного человека, руководимого богом». Та же посылка воспроизведена и под снимком Гитлера. Изменено лишь место действия — вместо Франции стоит Германия, вместо Страсбурга назван Нюрнберг, и глаголы перенесены из настоящего времени в прошедшее. Заголовок статьи гласит: «Что у де Голля на уме?»

Однако дальше этого сопоставления, главным образом, внешних черт деятельности де Голля и Гитлера журнал не идет. На самом же деле сходство кандидата в фашистские диктаторы Франции с полуживым маньяком, который закончил свою карьеру принятием крысиного яда, значительно глубже. Оно отнюдь не ограничивается внешними чертами. Де Голль позиционировал у фашистского Фюрера не только позу и покров френча.

От края и до края нашей страны, — говорит секретарь Центрального комитета французской компартии Жак Дюкло, — миллионы французов и француженок знают, что де Голль — это фашизм, а фашизм — это война».

Гитлер был ставленником прусских магнатов и прусских ревизионистов. Они сделали гитлеровского штика фашистским диктатором, когда почувствовали, что не в силах управлять старыми методами. Сейчас французская реакция готовится под покровительством Вашингтона повторить такой же маневр. Вот почему ее главным фаворитом на предстоящих 17 июня новых выборах в парламент является кандидат во французские Гитлеры генерал Шарль де Голль и его партия.

Четыре года французская правящая верхушка шла по пути предательства национальных интересов. Трущанища Франции не имеют хлеба, но зато в стране есть много американских военных баз. «Мы переживаем вторую оккупацию», —

В Страсбурге в 1947 году де Голль произнес свою первую программную речь после отставки с поста председателя Совета министров Франции.

приводит «Юманите» слова одного безработного докера из Ла Паллиса.

На американскую оккупацию французский народ отвечает сопротивлением. Орган американских монополий «Уолл-стрит джорнал» был вынужден недавно признать, что простые люди Западной Европы не хотят оказаться в положении «пешки», которую готовятся принести в жертву».

В этой обстановке французские правящие круги, подталкиваемые своими американскими хозяевами, торопятся к избирательным урядам, идут на мошеничества и подлоги, чтобы расчистить дорогу фашизму. Задачу французской реакции с предельным цинизмом обрисовал некий О'Доннелл в американском журнале «Сатердейт нининг пост». Признавая, что прогрессивные силы Франции представляют серьезное препятствие на пути осуществления агрессивных планов Вашингтона, этот человек требует расстрелять всех оппозиционеров. Разве это не является откровенным призывом к установлению во Франции кровавой фашистской диктатуры?

«Чем закончатся выборы?» — спросили корреспонденты министра иностранных дел Франции Шумана во время его недавнего пребывания в Вашингтоне. И министр ответил: «Результаты выборов зависят полностью от избирательного закона». Этот названный стране мошенический закон, принятый вопреки конституции и управленческой системе пропорциональных выборов, должен помочь французским капиталистам привести к власти де Голля. Кровавой рукой подавить сопротивление простых людей, он должен завершить процесс превращения страны в колонию Уолл-стрит, установить в стране фашистский режим.

У фашиста де Голля нет ничего своего. Вместе с жестами и ефрейторскими усиками он заимствовал у Гитлера и его людоедские идеи.

Перед захватом власти Гитлер говорил: «Старые партии должны уйти».

Первого мая этого года де Голль заявил: «Мы должны высвободить власть от прозябания партий».

Подобно Гитлеру, французский кандидат в диктаторы намерен разгромить партии, которые ему не удобны, и установить режим фашистского террора. Следует подчеркнуть, что генерал подхватил у Гитлера и других фашистов также идею о ликвидации профсоюзов. Он твердит о «сотрудничестве» труда и капитала, требуя замены профсоюзов «производственными ассоциациями». В этих «ассоциациях» рабочий должен склониться перед властью хозяина, безропотно подчиниться его произволу.

«Лидеры, — написал однажды Шарль де Голль, — должны обладать воображением, суждением, решимостью, чтобы использовать эти качества исключительно в собственных интересах, стремясь только к тому, чтобы стать более сильными и более свободными». Известно, что де Голль в свое время внимательно изучал книгу Гитлера «Моя борьба». Видимо, генерал хорошо усвоил содержание этого катехизиса фашизма: приведенная цитата так и кажется выхваченной из текста гитлеровской книжочки.

Главная цель политической карьеры де Голля та же, что и у Гитлера: насильственный захват власти, установление фашистской диктатуры. Давно развеян миф о де Голле, как о борце за освобождение Франции». В то время, когда французские патриоты мужественно боролись против гитлеризма, все помыслы генерала были

направлены к захвату власти в стране после окончания войны. С этой целью уже тогда он начал создавать собственную «секретную службу» — своего рода организацию французских «эсэсовцев», которую возглавлял полковник Пасси, в прошлом член французской фашистской организации кагуляров. Партия де Голля, громко именуемая «Объединенным французским народом» (РПФ), ныне собралась под свои знамена весь фашистский сброд. Не последнюю роль в ней играют бывшие вишисты. И в этом, разумеется, нет ничего удивительного. Де Голль — ученик и друг Петена, и вся разница между ними заключалась в том, что Петен, стремясь к установлению фашистского режима, делал ставку на помощь немецких фашистов, а де Голль ориентируется на англо-американскую реакцию.

Откровенно фашистская программа, провозглашенная де Голлем и усиленно пропагандируемая его партией, весьма по душе «200 семействам». Недаром иррациональная верхушка идет сейчас на любые преступления, чтобы помочь де Голлю. С этой целью реакционеры призывают создать единый избирательный блок для борьбы с коммунистической партией — единственной партией, представляющей интересы французского народа. На днях уже образована коалиция «независимых», партии «Христианство и социальное действие», «Республиканской партии свободы» (РПД) и приверженцев «Объединения левых республиканцев». Эта коалиция окрестила себя «четвертой силой». Демократическая газета «Се матен Де пиз» не скрывает, что «четвертая сила» является «подобием моста между демократическим объединением и нынешним большинством. Тактика союзов и объединений, которой руководствуется эта «четвертая сила», направлена в первую очередь на устранение коммунистов».

Фашистский генерал готовится с помощью «200 семейств» осуществить насильственный захват власти. «Я сам режу, как поступить», — заявил он еще в 1948 году. «Но эти господа опоздали родиться», — сказал Жак Дюкло. То, что удалось немецким магнатам и прусскому конквистадору 18 лет назад, не выйдет у нынешних правителей Франции и их американских хозяев. За плечами народов — опыт войны против фашизма. Миллионы французов и французек активно участвуют в борьбе за мир, за подписание Пакта Мира между пятью державами. Они понимают, что фашизм принесет войну. И они полны решимости остановить де Голля. Их не обманет сегодня самая изощренная гитлеровская демагогия. Французы и французки объединяются вокруг кандидатов Республиканского и антифашистского союза с сопротивлением, выдвигаемых французской коммунистической партией — партией национальной независимости, хлеба и мира.

Генерал де Голль хочет сыграть роль французского Гитлера. Заимствовав у бесноватого Фюрера позу и жесты, покров френча и нацистский лексикон, он стал образцовым фашистом. Однако ему не быть фашистским диктатором Франции. Не те

В одном будапештском доме

Клара ФЕХЕР, венгерская писательница

Шоссе Ваши. По обеим сторонам его — заводы. Подальше светятся окна новых жилищ элиты, чистая, детская сады, родильного дома. Сверхтоют витринами магазины, шестист листвою зеленые в молодых парках, и в шум мчащегося автобуса влетает веселый смех, доходящийся с площадки для игр и солнечного пляжа на Дунае.

Автобус, ворча, словно досаду на избыток занятий в этот весенний солнечный день, проворно несется на другой берег Дуная по новому мосту, соединяющему 13-й промышленный район Будапешта со вторым по величине рабочим районом — Обудой, а также с прекраснейшим парком — островом Маргит и очаровательными окрестностями Будапештских гор. Этот мост, включивший 13-й район в оживленную жизнь венгерской столицы, назван именем нашего мудрого учителя и вождя — именем товарища Сталина.

Весна... Настежь распахнуты окна, и ласковый майский ветер вырывается в комнату. В третьей квартире дома № 24/ц по улице Анджал Фелд собрались у Йожефа Музамель соседи.

На их глазах поразительно быстро изменилась жизнь. На месте вот этой светлой и уютной двухкомнатной квартиры, как и сотен других таких же квартир, еще сравнительно недавно находились тесные бараки, в которые не проходил свежий воздух.

О чем говорят собравшиеся? Одна мысль возмущает их всех — мир, великая пакта Обращения Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами.

С радостью подпимеи всей семьей этот замечательный призыв к миру, не позволив империалистам разрушить нашу счастливую жизнь и будущее наших детей, — говорит козленок Шандор Тот. Ему 58 лет. Много невзгод перенес он, много перестрадал, будучи безработным, пока воспитал четверых детей.

В юности Шандор Тот с трудом изучил профессию слесаря. Но работать слесарем не удалось — его уволили с завода и занесли в черный список за то, что он принял участие в демонстрации протеста против нечеловеческой эксплуатации. Тот стал чернорабочим. Он трудился по 78 часов в неделю, его жена ночи напролет работала в издательстве газеты, но имаште не поминала их дом.

И только теперь они узнали настоящую жизнь. Их старший сын стал в новой Венгрии директором завода «Лабель», две дочери и младший сын работают на предприятиях и в учреждениях по избранным им специальностям. Восмилетняя внучка Шандора Маргарита — пионерка. Она хорошо учится и хочет стать инженером. Она может об этом мечтать — в свободной Венгрии перед ней открыты широкие дороги...

— Как я хотел учиться! — восклицает Ференц Гуйяш.

Раньше ему было не до учебы — власти утаили его отца на военную службу, и мальчик стал кормильцем семьи.

В народной Венгрии Ференц Гуйяш окончил четыре класса средней рабочей школы. Он много занимается, усваивает свои знания. Теперь он — референт в одном из отделов государственной таможни. Запросто, в задушевной беседе собравшиеся здесь люди говорят о том, что сделали их убежденными сторонниками мира.

— Я воспитала детей, — рассказывает Чилдикне, — но не в этом красивом, бла-

гоустроенном доме, не в этой прекрасной квартире... Мы жили в одной маленькой темной комнате — это была и жилая комната, и кухня, и спальня чистейшая.

Старшие дети Чилдикне, Габор и Маргит, смогли окончить только начальную школу; младшая, Ева, теперь учится в гимназии. Габору было 19, а Маргит — 16 лет, когда они ушли в партизаны. Сына схватили вишисты (венгерские фашисты) и приговорили к смерти. То были страшные дни. Советская Армия-освободительница спасла ему жизнь. Рассказывая об этом, женщина вдруг повышает голос: — Если ненавистные империалисты и их наймиты развяжут новую войну, и пошло все своих детей и сама вместе с мужем пойду отстаивать наше счастье, нашу свободу!

— Борьба за мир — дело каждого честного человека, — говорит Шандор Бококш.

Ее муж — котельщик. Их дочь Илонка учится в сельском классе средней школы и мечтает о карьере инженера-транспортника. Она регулярно посещает пионерскую железную дорогу, которую построила для ребят народное государство.

В новой Венгрии учатся и старший и младший. Присутствующая здесь Роза Вег приехала в Будапешт лишь несколько месяцев назад для того, чтобы учиться на курсах.

Маленький сын хозяйки квартиры всунул на колени у матери. В одной руке у него остался недоеденный пирожок, в другой — игрушка... А беседа все продолжается.

Пожилая Галамбошине рассказывает о своей жизни. Мать четверых детей, она тяжелейшим трудом в типографии зарабатывала на кусок хлеба. Она ее дочь еще ребенком умерла от туберкулеза, остальные трое жили до счастливых дней. Галамбошине воспитывает их в духе любви к своей расцветшей родине, в духе верности делу мира. Ей шестидесять пять лет. Она могла бы уже уйти на пенсию. Но она хочет быть полезной демократическому строю, который принес счастье ее семье.

Шандор Тот, Галамбошине, Роза Вег и остальные собеседники — разные по взглядам и религиозным убеждениям люди. Но всех их объединяет единая воля к миру, к спокойной и справедливой жизни демократического отечества.

Единодушно ставя подписи под Обращением Всемирного Совета Мира, они хотят защитить от сил мрака этот солнечный свет весны, плоды своего труда — новостройки, заводы, школы, больницы, выросшие за эти годы по всей стране, новый мир через Дунай, прекрасные квартиры, новые шоссе, устремившиеся к деревне, откуда приехала Роза Вег, школу, где учится Ева Чилдикне, пионерскую железную дорогу, которую посещает Илонка Бококш, счастливое будущее заснувшего на груди у матери Ланка Музамель...

На столе, за которым беседуют жители дома, лежит развернутая географическая карта. Связь точек параллелей и меридианов они видят города Кореи, варварски разрушенные американскими извергами и их наемниками. Территория Советского Союза обозначена на карте красным цветом. Она обозначает огромное победоносное знамя. С уверенностью в недалекой иду за этим знаменем мира, свободы и социализма все честные люди земного шара. В их рядах и жители будапештского дома № 24/ц по улице Анджал Фелд.

БУДАПЕШТ

В. ПУДОВКИН

Экран и жизнь

1.

Состоявшийся в апреле во французском городе Кани международный кинофестиваль дает обильную пищу для размышлений о судьбах киноискусства в различных странах мира. Фестиваль еще раз наглядно подтвердил, что высоких успехов в искусстве кино можно достигнуть только в том случае, если все усилия художника направлены на отражение правды жизни. Верность правде жизни — в этом не только залог художественного успеха картины, но и прочная гарантия того, что она послужит делу укрепления дружбы и доверия между народами. Правдиво отразить жизнь народа на экране — это значит протянуть руку тем, кто ищет дружбы и взаимопонимания.

Такими глубоко правдивыми произведениями искусства был представлен на фестивале Советский Союз и ряд стран народной демократии (Польша, Чехословакия, Венгрия). Такими правдивыми в своей основе, хотя и не до конца разрешенными реалистически, были отдельные картины прогрессивных мастеров кино капиталистических стран. На некоторых из них следует остановиться подробнее, так как они несомненно отражают стремление лучших творческих работников кино зарубежных стран поставить свое искусство на службу прогрессу и делу мира.

Из числа таких фильмов в первую очередь нужно отметить картину «Чудо в Милане» итальянского режиссера дель Сина, работающего всегда вместе с талантливым сценаристом Дзаваттини. Нам хорошо знает их совместную работу по картине «Похищение вельсинец».

«Чудо в Милане» — своеобразная картина. Сюжет ее как будто безудержно фантастический — в нем появляются и ангелы, и душа умершей старушки, и голубь, похищенный с того света, творящий чудеса, но вместе с тем все, о чем рассказывается в картине, тесно связано с современной жизнью Италии, связано с реальными человеческими характерами и с реальными человеческими делами. Получается нечто вроде современной сказки, где в фантастической форме изображается современная жизнь.

Братской может картина так. Молодой человек, обуреваемый желанием всем помочь и всех примирить, попадает в среду несчастных, полностью обнищавших людей, построивших себе на пригори-

Из каниских впечатлений

Ном пустире что то врое маленького городка из жалких шашаей. Молодой человек деятельно принимается за работу по улучшению «жизненных условий». Это ему удается — вместо шашаей появляются ацинерные хибарки, и население города постепенно увеличивается за счет беженцев, прослышавших о дешевых квартирах. Пустире, на котором возникает «счастливая жизнь» нетребовательных нищих, приваждает крупному капиталисту. Все было бы хорошо, если бы на пустире между хижианами не забил фонтан, оказавшийся нефтяным. Несчастное население, думавшее, что получило только бесплатные керосин, получило вместе с ним и жестокого хозяина. Владелец пустира требует немедленного разрушения городка. Появляются полицейские отряды. Ищутся в ход слезоточивые газы. В этот момент в руках героя фильма оказывается голубь, принесенный с небес его покойной матерью и обладающий силой немедленно исполнить любое желание. Силком долго рассказывает, как развивается борьба между полицейскими войсками, руководимыми капиталистом, и героем картины, вооруженным чудесным голубем. В сюжете есть несколько поворотов, в результате которых население городка усаживается верхом на метлы, отнятые у уборщиков большой миланской площади, и улетает в облака под символические слова песни: «Мы летим в страну, где приветствие «доброе утро» действительно означает доброе утро!» В картине много спес, тонко и верно обрисовывающих человеческие характеры, и хлесткой сатиры на столбов буржуазного общества. Конечно, философские выводы, которые можно сделать из содержания фильма, оставляют желать многого, но прогрессивная направленность авторов картины несомненна.

Реакционная пресса Италии подняла страшный шум, обвиняя режиссера в оскорблении полиции и правительства.

Дель Сина, приехавший в Кани за день до демонстрации картины, зашел к нам и рассказал о ряде смешных выкладок журналистов, обвинявших его, конечно, прежде всего в симпатии к Советскому Союзу. «Голубь в картине», — писал один, — это безусловно голубь советской пропаганды

мира». Другой решил, что гипсовая статуя, воздвуженная на площади городка из хижин, символизирует невидимое присутствие Советского Союза, потому что подобные статуи он видел на фотографиях советских парков культуры. Третий додумался до совершенного идиотизма. В начале картины, по сказочным традициям, ребенок — будущего героя картины — находит в капусте. Журналист объявил эту сцену проповедью не более и не менее как «исторического материализма»!

К числу картин, авторы которых стремятся правдиво отразить жизнь, следует отнести также картину мексиканского режиссера Бюноэля «Забываются». Когда я впервые прочитал ее либретто, я расстроился.

Опять четыре убийства в одной картине. Кроме того, убийством уже занимающийся в возрасте, а дети. Но просмотрев картину, я понял, что к ее оценке нельзя подходить так же, как к картинам, где убийства и самоубийства рассматриваются авторами, главным образом, как материал «эффектного» сюжета. «Забываются» — картина о беспробудных детях большого мексиканского городка. Натуралистический характер многих мест в картине производит отталкивающее впечатление. Однако есть в картине проповедь справедливости и гуманного отношения к детям, лишенным самых элементарных условий разумного воспитания. Хотел этого режиссер картины или не хотел, но он развернул такое убедительное зрелище нищеты, панораму характеров взрослых людей, изуродованных и ожесточенных безыouthностью этой нищеты, что зритель не может не прийти к определенному выводу: дети не преступны, — преступны те, кто создает для них нечеловеческие условия существования.

Во вступительных напихках в картине говорится: «Здесь нет ничего выдуманного — все, что будет показано, — факты». Эти факты ужасны. Детская банда разбойничает. Грабит слепого музыканта, потом безногого инвалида. Вспышки истерического бешенства толкают детей на убийства друг друга.

Голос диктора, иногда сопровождающий картину, говорит: «Июмните, что такие же дети есть и в Нью-Йорке, и в Лондоне, и в Париже...»

Я с гордостью подумал, что автор не смог бы назвать ни Москву, ни Ленинград, где жизнь и воспитание каждого без

исключения ребенка охраняются всей мощью государства.

К сожалению, и над этой картиной довлеет ненужное, затемняющее смысл происходящего любование внешней стороной жестокости, смерти и большой человеческой нищеты.

Франция показывала на фестивале большую картину одного из своих крупнейших режиссеров Марселя Карне «Ключ к снам». Все указывало на то, что устроитель фестиваля возлагал на картину большие надежды. Зал был набит битком. Имена режиссера, автора и артистов, появившиеся в заглавном напихке, были встречены аплодисментами. Но вот началась картина. Внимание зала настолько же, медленно разрывается сюжет, и вместе с ним как будто опускается на публику облако холодного тумана разочарования. В чем дело? Марсель Карне — талантливый мастер. Под его управлением актеры играют прекрасно. Кадры живописны с точки зрения выбора места, света и формы. Декорации безукоризненно выполнены хорошим художником-архитектором. Но... здесь начинаются многочисленные «сно».

Содержание фильма такое. Заключенный в тюрьму молодой человек засыпает. Во сне возникают персонажи, которые участвовали в драме, приведшей его в тюремную камеру. Но они потеряли свой нормальный человеческий облик, превратившись в некие символы, носители сказочный характер. Они не знают ни своих, ни чужих имен, ни того, что было вчера или час тому назад. Трудно перечислить все мудреные сюжетные ситуации, лишенные сколько-нибудь ясной мысли. Все расплывается в тумане мистики, увозящей зрителя все дальше и дальше от реальной жизни и не привозящей ни к чему. Если фантазия в «Чуде в Милане» вводила образ капиталиста с его реальными качествами в сказочную обстановку и тем делала сказку рассказом о живой действительности, то фантазия авторов «Ключа к снам» пытается сделать обратное. Герой картины, проснувшись, выходит из тюрьмы и находит в живой действительности все, что было представлено зрителю в фантастическом сне. Он оказывается ключом к пониманию реальной жизни. Не жизнь питает сказку, а сказка должна войти в жизнь и руководить людьми. Впечатление разочарования, по-моему, было общим. В прессе картина подверглась довольно откровенной отрицательной критике. Вот что писал «Л'Экран франсе» в номере, специально посвященном фестивалю: «... Остановка на пути к французскому реализму, испать который

так много помогал в свое время Марсель Карне. Еще один покойник на фестивале. Грустно!..» Эта реакция очень показательна. Как ни стараются продажные критики уверить себя и других в том, что еще существует «искусство для искусства», в том, что назначение художника только развлекать людей, пекотать нервы, жизнь говорит другое. Живой интерес ко всем картинам, затрагивающим большие социальные вопросы, хотя и не отразился в буржуазной прессе, но он существовал повсюду. Он возникал в разговорах, в обмене впечатлениями, в непосредственной реакции даже такого слерзанного зала, какам был «Дворец кино».

Французский режиссер Дакен, которого у нас знают хорошо по картине «Рассвет», сказал мне: «Если бы картину «Ключ к снам» показали на одном из предыдущих фестивалей, она встретила бы восторженный прием. Теперь времена другие».

Второй французский фильм — «Эдуард и Каролина». Эта легкая комедия без претензий разрешать какие-либо серьезные проблемы общественной жизни сделана руками талантливого мастера — режиссера Беккера. В картине есть элемент сатиры, высмеивающий извращенное «свадебное» общество. Отдельные типы, обрисованные только несколькими штрихами, очень смешны и очень убедительны в смысле их действительного существования в реальной жизни. Картина хороша еще тем, что отношения героев — молодых людей, влюбленных друг в друга, лишены той подчеркнутой животной сексуальности, которая так часто служит предметом особого любования во многих произведениях «киноискусства» на Западе.

Интересно сравнить эту комедию с американской картиной, героем которой является хорошо нам известный ете по немым фильмам Гарольд Ллойд. Вся картина построена на формалистических трюках. Живой лев, основательного размера, пугает прохожих на улицах, забирается в кабинет богатых банкиров и в конце концов оказывается на карнизе «небоскреба», откуда его пытается спасти Гарольд Ллойд, оказавшийся его хозяином. Интересно отметить, что и в этой грандиозной «чепухе» фигурирует «мысль». Но какая? Оказывается, что американские банкиры не поль-

зуются расположением публики (паразитическое открытие). Для того, чтобы выйти из этого тяжелого положения, Гарольд Ллойд предлагает им купить его зверей в учреждение бесплатной ирку для детей. Банкиры в восторге от идеи и в финале картины осыпает Ллойда долларами в виде чеков.

Если сравнить эту жалкую «комедию» с предыдущей, то становится понятным, почему так часто приходилось слышать жалобы на американское зрелище, мешающее развитию французской национальной кинематографии. Нужно сказать, что жалобы на агрессивную Голливуда можно услышать от представителей самых различных стран. На официальной встрече журналистов, устроенной во «Дворце кино», об этом говорили представители Англии, Италии, Уругвая, Мексики и даже американская журналистка, уквашавшаяся на то, что в Америке, кроме Голливуда, существуют отдельные киноорганизации, пытающиеся бороться за прогрессивное национальное киноискусство.

Прянтно было слушать, как те же журналисты несколько раз упоминали о благоприятном влиянии советских картин, подававших время от времени в их страны. Разговоры об укреплении и развитии национального кино возникли на фестивале часто. Очевидно, это «большой вопрос». В интервью для передачи по радио меня прямо спросили, являюсь ли я защитником или противником национального киноискусства. Я ответил, что мне заан смешной вопрос, — я не могу быть против национального кино, потому что для нас искусство тем выше, чем оно ближе стоит к народной жизни, которая всегда глубоко национальна.

На той же встрече журналистов выступили и представители стран народной демократии: Чехословакия, Венгрия и Польша. В своих кратких докладах они рассказали, как национализация кинопроизводства освободила искусство от коммерческих интересов частных предпринимателей, как кинематограф, став народным достоянием, быстро развивается и в культурном и в техническом отношении. Они говорили о реальной дружеской помощи со стороны Советского Союза, который всегда делится с ними своим творческим опытом и своими техническими достижениями.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).